

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

Барон
фон дер Зайцев 2

Андрей Готлибович Шопперт
Барон фон дер Зайцев. Книга 2
Серия «Барон фон дер Зайцев», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73995217

Аннотация

Продолжаются приключения нашего человека в глубоком тылу врага. На дворе 1409 год и приближается Грюнвальдская битва, которая станет началом конца державы крестоносцев.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Шопперт Барон фон дер Зайцев. Книга 2

Глава 1

Событие первое

– Вагенбург! Вагенбург! – завопил во всю свою лужёную глотку Иоганн.

– Чего ты пицишь? – наклонился к нему, обернувшись, тюфянчей Самсон Изотов.

– Телегу вторую нужно поперёк дороги развернуть! – Иван Фёдорович водителем кобылы был тем ещё. Ни разу не пробовал. Но бежать к перебежчику и плотнику Карлису он начал, как только закончил фразу.

Ексель-моксель, там две Марии. Пацан, понимая, что времени нет, ни на объяснения, ни уж тем более на переговоры с мачехой и датчанкой, нет ни секунды лишней, подбежал, стащил попону, под которой они от ветра скрывались, и дёрнул мачеху за руку, пытаясь убрать её тушку с телеги. Фрайфрау плюхнулась на пузу, и в запале полметра её Иоганн про-

ташил, но потом она упёрлась плечиком в борт повозки.

– Вылезайте! Вылезайте быстрее! – пришлось отроку запрыгнуть на телегу и помочь Марии со... свалиться с телеги. На счастье, проделывать это со шваброй датчанкой не понадобилось. Она, то ли поняла, чего там на русском кричит барончик, то ли последовала за госпожой, но, как бы то ни было, сгруппировалась быстренько и не дожидаясь пинка по тощей заднице, соскочила с транспортного средства на землю... на грязь.

Иоганн вырвал вожжи у Карлиса и стеганул лошадь. Ну, лошади они не дураки, это не гелик, это там, если рулишь на автобусную остановку, то в неё и попадёшь, а лошадь обязательно попытается объехать препятствие, даже если пьяный шоферюга её на него гонит с криками: «Вперёд, ссссссука, вперёд!» Мощная кобыла Сонька из племенных дестриэ на стоящую на её пути тачанку не поскакала с задорным ржанием, она выдала горку яблок, презрительно всхрапнула, и пошагала неспешно именно туда, куда её малохольный придурок, не различающий собак и кобыл, пытался направить – в просвет на дороге. Более того, она же отлично понимала, что такое «Вагенбург». Немецкое же слово. Потому, Сонька не вдоль дороги пошагала, а наискосок, соступила с дороги и, увидев офигительный куст конского щавеля, продёрнула телегу ещё на метр. Захрустела.

– За телегу, встаньте за телегу! – прокричал, довольный проделанной работой, Иоганн, вон он как мастерски дорогу

перегородил.

Кисель, сначала набравший в лёгкие воздуха на рык, типа, как ты с дамой моего сердца обращаешься, неожиданно понял задумку почти что пасынка и, прокричав кутилье: «За мной», обогнул жующую Соньку и оказался за надёжнейшей защитой. За телегой. Внутри небольшого вагенбурга.

После этого Иоганн, потерявший полкило живого веса за эту минуту, смахнув кружку пота со лба, наконец, смог вернуться к рассмотрению диспозиции.

А ничего нового, но и ничего хорошего. Метрах в двухстах был, нахлёстывающий коня Петерс и ещё в сотне метров плотная группа всадников. Хотя нет, не очень плотная. Это голова у неё плотная, а потом три кусочка растянулись на дороге. Одры видимо к галопу не приучены, или силов у них от бескормицы маловато будет. За слугой Юргена скакало одиннадцать всадников. Восемь явно догоняли его, а вот трое растянулись по дороге и отставали всё больше.

У Хольте арбалет и меч на поясе, а у фон Бока лук и меч. Мечи они, несомненно, понадобятся, но сейчас важнее огнестр... метательное оружие. Стрелятельное? Окрылённый победой над Сонькой, Иоганн оглянулся на управляющего и учителя и хотел прокричать им команду:

– Заряжай! Целься! Огонь по готовности! – но оказалось, что команда уже выполнена. Отто с арбалетом уже присаживался на корточки к телеге развёрнутой, а за его спиной и чуть ближе к тюфянчею маячил худой и сутулый силуэт мо-

наха расстриги с луком в руке, и даже стрела на тетиву уже была наложена.

– Иоганн! Я тебе сказал защищать женщин, – сквозь набат в ушах донеслось до пацана. Он повернулся на звук, всё ещё в горячке предбоевой, – Женщин защищай, – ткнул концом меча Юрген в сторону Марий.

Пришлось, тамтамы унять в голове, спрыгнуть с повозки в грязь и отойти к мачехе и, накрывшей её плащиком кургузым – манто, датчанке. Дага в руке подрагивала, просила напоить её кровью врагов.

Между тем Петерс со скоростью километров в тридцать в час приближался к их тележной крепости. При эдакой скорости в минуту получается полкилометра. А двести метров – это вообще секунд двадцать. Пока все пальцы загнёшь и пройдут они.

Загородив своей мощной фигуркой женщин, Иоганн опять к линии фронта оборотился. Петерс теперь был в пятидесяти метрах, а догоняющие его преследователи в сотне. Пацан бы, будь он на месте Хольте или Мартина, уже бы выстрелил, но у тех видать опыта было чуть больше.

– Schlag! (Бей!), – и команду пацан услышал и даже как щёлкнула тетива лука у фон Бока.

Глаза сами без команды метнулись к вражеской кучке, преследующей слугу Киселя. Куда именно попали стрелы не видно, но один из всадников вылетел из седла и боком железным рухнул на землю.

– Уйди в сторону, дурень! – услышал крик тюфянчег Иоганн и буквально через две – три секунды бабахнуло оружие.

Произошедшее дальше нужно режиссёрам из будущего на вооружение принять. Ствол деревянной пушки, читай тяжёлое дубовое бревно, понеслось назад. Ну, а там гроб с бароном. Заколачивать его не стали, там, в замке в Пиньках, у него жена молодая непременно захочет поплакать над телом и в лоб поцеловать. Ствол вдарил по гробу и начал его крушить, но, долетев до борта повозки и подскочив от удара, гроб решил, что всё край, некуда деваться и встал вертикально. Лежащий там в бозе Генрих фон Лаутенберг подпрыгнул вместе с гробом и стал падать вперёд, но испуганная взрывом лошадь дёрнулась назад и какое-то время импульсы были разнонаправленные. Несколько секунд мёртвый барон стоял вертикально и даже манто у него на плечах малиновое успел ветер трепыхнуть.

Бамс. Позади Иоганна обе Марии лишись чувств от ужаса и упали на дорогу. Бамс. И гремя доспехами с телеги упал труп барона.

Событие второе

Отвлёкся генералллиииссимусс Зайцев на божественный знак и часть боя клювом прощёлкал. Не, на самом деле, пока Иоганн с выпученными глазами смотрел на восставший

труп, впереди много чего произошло. Пищаль деревянная двадцать галек-камышков в сторону врагов пульнула и дымом окуталась. Вот как раз, как труп с землёй сырой воссоединился, дым и снесло. Стал виден результат бабаха. Но и это не всё. Фон Бок, чего там у него за спиною наделала пушка, не видел, студиозус недоучка продолжал в белый свет и в созданий Тьмы палить из лука турецкого. Две стрелы туда успел в эту тьму отправить, туда же улетел и второй болт из самострела управляющего. Кто попал, потом выяснят, стрелы разные у лука и арбалета, и удар камнем в лоб и стрелой в глаз разные раны вызывает, но количество нападающих побавилось.

Теперь пытались затормозить лошадей только четверо всадников, ещё одна лошадь была без всадника. А из трёх отстающих один перешёл на совсем уж неспешную езду шагом, один остановил одра и только третий, самый ближний всё ещё не потерял желанья самоубиться о вагенбург.

Петерс обогнул по приличной параболе (эвольвенте, эллипсу, гиперболу, кривулине – нужное выбрать) телегу с оружием и ходячим мертвецом, спрыгнул с коня, упал на колени и принялся, найдя восток, биться головой о грязь дороги, осеняя себя беспрестанно крестными знаменьями. Он-то как раз восставшего из Ада барона лицезреть сподобился. Будет, что внукам рассказывать, если сегодня жив останется и трезвом уме (в здравом уме). Сейчас сильно захочешь, так надо умудриться напиться. Сидр он градусов пять. Мо-

жет и меньше, яблоки двух сортов Иоганн пробовал. Так-то кислятина. Сколько в них сахара? Пиво не крепче. И тоже кислятина. До гидрозатвора ещё не додумались. Брага есть, но и она не крепче десяти градусов. В общем, не просто напиться до зелёных чёртиков.

А бой продолжился. Фон Бок в азарте каждые примерно десять секунд выпускал в нападанцев по стреле. И в два раза реже в этих же людей стрелял из тяжёлого арбалета Отто Хольте. И надо отдать должное врагам. Потеряв ещё одного товарища в результате этих стрельб, нападающие сумели посчитать, что теперь их не одиннадцать против пятерых, а шесть против шести. Петерс, помолившись, вскочил назад на коня и, вытащив из ножен меч, присоединился к Киселю. Поработав калькуляторами, литвины, а это без сомнения были они, стали поворачивать коней. Одеты все были одинаково. Штаны серые, рожи серые – с перепугу, плащи серые, а стирать надо, глаза серые – славяне. Это лисапед быстро повернуть можно, а с конём, напуганным грохотом из пушки и даже раненым, пусть и легко, стрелою, тяжелее, чем с велосипедом. Кони вставали на задние ноги, кони тыкались в друг дружку, кони кусали своих сородичей и козлов на них сидящих. Один с испугу вообще остановиться не мог и вплотную подъехал к телеге, где и получил копьём в морду от Самсона Изотова.

А фон Бок стрелял. А управляющий Отто Хольте выстрелил.

В итоге через минуту в сторону Пиньков улепётывало трое всадников и трое коней, уже самостоятельно, избавившись от идиотов, погнавших их на стрелы и пушки.

– Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Иоганн оглянулся на женщин. Лежат себе в грязи. Даже не ворохнутся. Пришлось эйфорию в голове выключить и включить озабоченность. Ближе была датчанке, к ней и кинулся парень, приподнял голову и пощёчин надавал. За что? А на будущее. Ну, нет нюхательной соли. Интересно? А как раствор нашатыря получить? Эх, вот, что за напасть, все в книгах попадают в прошлое с отличным знанием химии, а он тупо не знает такой хрени, как хлорид аммония получить. Селитра аммиачная? А её как. Вот потому и пришлось не нашатырём датчанку в чувство приводить, а по мордасам настучать.

Мария отреагировала быстро. Глаза карие открыла и заорала. Вот так:

– А-а-а!

– Всё! Всё закончилось. Поднимайся. Я мамочкой займусь, – уже проговорив это и отпустив датчанку, Иван Фёдорович сообразил, что по-русски это сказал, но переводить не стал. Махнул рукой и присел над фрайфрау. Тоже голову

ей приподнял и замахнулся даже эдак градусов на шестьдесят, но надавать пощёчин мачехе не удалось. Она сама глаза открыла и замычала. Вот так:

– М-у-у. У-у.

– Встаём. Все вороги побиты. А нет, часть удрала, но никого нет. Вставай.

К Марии с другой стороны уже пристроилась устряпанная вся, как участница битвы в грязи, датчанка. Иоганн и себя оглядел. Ну, назвать его образцом чистоты, даже свиноматка, выбравшись из лужи бы не смогла.

– Эх, сейчас бы принять ванну, выпить чашечку кофе.

– Чего тут? – к ним наклонился с коня, а потом спешился Юрген. – Чего ты говоришь?

– Устал я, Юрген, – перевёл это на немецкий парень, – Когда это кончится?

– Кончится?

– Надо собираться и ехать назад. Эти же в Пиньки ускакали. Надо спросить у Петерса, что он узнать успел. Надо...

– Иоганн, ты говори по-немецки и громче, что ты там бормочешь?

Точно устал. Опять перешёл на русский.

– Где Петерс? Пусть расскажет, что разведал.

Подъехали к ним и спешились и остальные. Кутилье барона, в смысле. Потом и фон Бок, пошатываясь подошёл.

– Эй, мне кто-нибудь поможет положить труп в телегу?! – управляющий решил поуправлять коллективом.

Событие третье

Положили тушку барона в крышку гроба. Ну, а чего, сам гроб сломан. Ствол деревянной пиццали торец проломил и ещё и пару досок сломал. Ну и всю конструкцию измочалил, а лежащая сверху крышка просто улетела в грязь и осталось целой. Ну, чуть перекосило, так руками поправили, есть плотник, хоть и без инструмента.

Карлис и сам гроб осмотрел. Руками давай разводить, рожки корчить, осуждающе сопеть. Лучший его гроб сломали. Доверь им произведение плотницкого искусства. Варвары.

После того как барона водрузили, орудие собрали и тоже водрузили, Соньку от поедания щавеля оторвали и вагенбург порушили, собрались и стали решать обе русские главные проблемы. С первой быстро справились. Виноваты литвины, ни дна им не покрывки.

Покрывка, если что, то с арабского «прощение» – «отпущение грехов», так что ни дна не покрывки в переводе означает ни могилы, ни прощения.

Вторая проблема – «Что делать». Разделилась. Большинство, в том числе и Иоганн, были за возвращение. Прикопают барона под стеной, потом, когда всё устаканится, и настанет мир во всём мире, выроют и отправят в родные Пенаты.

Против была Мария. Против были кутилье.

– Мы уже дома почти. Вон, видно дорф, – всадник, что

постарше указал рукой на село около замка. Саму башню тоже уже видно было.

– Так там могут быть литвины или жемайтійцы, – вот, Кисель умный. Классный аргумент.

Петерс руками развёл, когда на него все уставились. Он не доехал до замка. Около него увидел всадников и повернул, хотел по-тихому слинять, но его увидели и устроили погоню с улюлюканием. Чем закончилось – известно. А вот куда теперь литвины денутся, и есть ли они ещё возле замка фон Лаутенбергов – неизвестно.

– Вы все трусы! Нужно снова съездить к замку и разведать! – ударилась в слёзы мачеха.

Киселя подбросило.

– Я отправлюсь. Вы зарядите пищаль и... и арбалет и будьте готовы... Ну, поехал... Чего сидеть?!

Братик троюродный взгромоздился на Рыжика, перекрестился эдак на публику, и поехал. Дестриэ – это не арабский скакун, его на длинные дистанции не хватит. Потому поехал Кисель размеренным шагом. Можно пешком обогнать. Тут с километр до замка. Эдак он до вечера не вернётся. А тут холодрыга и дождь собирается.

Иоганн проводил измазанных грязью, мокрых и избитых тётков в повозку и накрыл попоной. Ну, вряд ли теплее стало, не ватное одеяло, но хоть ветер пронизывающий с моря не выстужает последнее тепло.

Иоганн же пошёл к дереву, растущему у дороги. Взобрал-

ся метров на семь – восемь, дальше ветки тонкие уж больно пошли и огляделся. Деревня – село – дорф Пиньки была как на ладони. И там людей не видно было. Далековато, конечно, с километр и точно ничего не скажешь, но если бы человек одел кумачовую рубаху и стоял махал не менее кумачовым флагом, то его было бы видно. Вот, ничего такого видно не было. Замок тоже хорошо был виден. Но что там творится опять непонятно и там кумачовым стягом никто не махал. Пришлось слезать и объяснять пытливым глазам, что не видно ничего. Нужно Киселя ждать.

Юрген несся назад, настолько, насколько Рыжик ему позволял.

– Заряжай! – гаркнул Иоганн. Полное дежавю.

– Заряжено давно, – буркнул Самсон.

Они с тюфянчеем ствол внимательно осмотрели. Мог и выдержать выстрел. А мог и не выдержать. Разорвёт ствол и писец инвалиду. Ему не отползти от своей пушки. Первый раз ноги оторвало, когда у него ствол разорвало. Теперь и голову оттяпает. И при этом тюфянчей всё одно пицаль свою зарядил и рядом уселся.

Иоганн с телеги преследователей Киселя не видел. Чего тогда несётся?

Выяснилось только, когда прискакал Юрген фон Кессельхут.

– В замке литвины! Много. Нужно срочно убираться. Они отряд собирают. Ясно, что сюда поскачут.

– Хера се! Как мы на телегах от конных уйдём? – полюбопытствовал Иоганн, но плотнику скомандовал, – Карлис, твою, мать, чего сидишь?! Гони к дому.

– Чегось? – тюфянчей Самсон за переводом потянулся.

– Гони к замку, за нами сейчас погоня будет, – пацан стоял на телеге, и когда Карлис огрел Соньку кнутом, то полетел на женщин.

Поехали. До замка все двадцать вёрст. Догонят, можно и не сомневаться. Сытый конному не товарищ. Общая скорость каравана равна скорости самого медленного транспорта. А это тачанка. Там обычная лошадка. Она хоть телега и пустая почти, особо не разгонится.

Едут. Оглядываются. Из плюсов только то, что тачанка уже задом к врагу, и поворачивать её не придётся. Ну и ещё хоть и не плюс, а так плюстик, дождь не идёт. Порох сохой.

Две минуты едут. Нет погони. Три минуты едут. Четыре...

Глава 2

Событие четвёртое

– Эй, Иван! – сидевший, нахохлившись, на повозке рядом с Карлисом Иоганн не сразу понял, что это именно его окликнули, – Иван, сюда иди! – махал на него руками тюфянчей Самсон Изотов с соседней телеги. Ай, тьфу, с тачанки. Хотя... С катафалка. С тачанки-труповозки.

Позади топота копыт не слышно было по-прежнему, а ведь уже и пять минут прошло. Горячка боя прошла уже, адреналин выветрился, и сейчас какая-то апатия наваливалась, подминая под себя. Как тележное колесо выползшего на дорогу червяка.

Но Самсон продолжал махать. Пришлось головой мотнуть, апатию эту из мозгов выбрасывая. Соскочил. Ладно, сполз Иоганн с передка и, пропустив мимо себя телегу с женщинами, укутанными опять в попону с головы до ног, потом и Соньку, мотающую башкой, заскочил на передок тачанки, рядом с тюфянчеем устроившись.

– Ты боярич переведи Юргену, что сейчас своротка будет направо, – ткнул кнутом в сторону моря инвалид.

– Там река? Куда там сворачивать? – вот стоило его вы-

дёргивать из апатии, почувствовал к земляку антипатию парень.

– Точно. Там водопой и... ну, там останавливаются возчики, когда из Риги в вашу сторону едут. Кашу варят, лошадей поят. Повозка, что меня к Матильде везла из Риги, тут останавливалась. Запомнил место, – пояснил тюфянчей.

– Вона чё! – Иоганн опять головой тряснул и привстал на телеге, высматривая своротку.

– За той корявой сосной, – подсказал инвалид.

Сосна действительно корявая. Молния явно попала в неё много-много лет назад. В результате вершина подгорела и сейчас ещё чернеет ожогом, а пониже вместо одной вершины три образовалось, и одна из них кривая и маленькая.

Иоганн соскочил с передка и побежал к Киселю, на Рыжике гордо возглавляющему их пулемётный взвод.

– Сворачиваем. Там водопой за лесом. Может, не заметят литвины и мимо проскочат, – парень указал рыцарю на дорогу не дорогу, но следы колес были видны в траве пожелтевшей.

Лес – название одно. Сначала полоса кустарника, шиповника в основном уже наполовину облетевшего, потом несколько рядов довольно редких сосен, так что даже серая вода сквозь них просматривалась.

Юрген остановил коня и руку поднял. Прислушался. Иоганн тоже ушами туда-сюда поводил, как заяц, он же Зайцев, ну и что, что не получилось, попытался. Топота копыт

слышно не было.

– Сворачиваем.

Кисель пнул пузу Рыжика сапогами и направил того к водою. За ним потянулись остальные всадники, а там и телеги закрипели колёсами, делая разворот. Три минуты и их небольшой отряд выехал на берег Аа. Точно стоянка. Вся в следах ожогов от костров. Варили кашу путнику или взвар. Картошечку пекли в золе. Ну, нет картошки, а мечты-то есть. А если репу сунуть в золу? Получится печёная картошка? Или только репа переная?

Иоганн вернулся к дороге и даже прошёл по ней назад к опушке, высматривая и выслушивая погоню. И только хотел уже развернуться и назад пойти, как показалось, что слышит он топот копыт. Как там индейцы узнают о погоне? Они ложатся на землю и ухо к ней прижимают. Пацан плюхнулся на рыжую траву, мокрую всю, и тоже прижался. Сволочи. Врут индейцы. Ничего слышно не было. Он уже опять собирался уходить к лагерю, там как раз всякие звуки были, и тут без всяких припаданий к матушке земле услышал далёкий топот. Ничего другого кроме погони это не предвещало.

– Скачут! – он пробежал двадцать метров до реки и палец к губам приложил, – Тише! Скачут!

Вместо тишины послышался лязг. Китилье и сам Кисель мечи из ножен вытянули.

– Да, тихо, может пронесёт.

Топот теперь был слышен отчётливо. Как в метро, когда

поезд приближается, нарастает эдак.

– Заметят, не заметят, мимо пройдут, нахрен уйдут? – шептал себе под нос, ромашку мысленную лепестков лишая, Иоганн. Он прижался к ароматному, пахнувшему смолой стволу большой сосны – последней перед водопоем.

Тугыдым, тугудым. Прямо, словно по тебе скачут литвины.

Минута растянулась на целых... две минуты. Тугыдым. Звук погони больше не приближался, он стал удаляться. Ещё пара минут и топот стал еле различим на западе.

– Человек пятнадцать? – обернулся к стоявшему рядом Отто парень.

Управляющий сунул меч в ножны и пожал плечами.

– Наверное. Не всё ли равно. Сейчас поймут, что нас нет и вернутся. Нам и пятнадцати хватит.

Пессимист какой. У них обе телеги, оружием и бронёй теперь завалены. Пока Юрген мотался на разведку, Отто сгношил остальных, и они посрезали ремешки на доспехах упавших перед вагенбургом литвинов и обобрали их до исподнего, и всё в телеги покидали. Добыча. И вот этот добытчик вдруг скуксился.

– А что, если вдоль берега, а не по дороге дальше ехать? – двинул идею фон Бок.

Народ на реку посмотрел.

– Песок, коряги, деревья упавшие. Нет, пешком можно, а вот на телегах не получится, – Отто Хольте, как специально,

негативную информацию одну решил выдавать.

– А барон?

– А пищаль?

– А доспехи?

– А дурни же вы, о жизни думать надо, а не о добыче и трупе. Что с мёртвым делается? Ещё раз убьют?! Так что, бросаем всё и идём пешком. Только быстрее решайте, сейчас они поймут, что мы свернули, вернутся и найдут эту своротку, – управляющий из пессимиста превратился в реалиста.

Событие пятое

К консенсусу пришли не сразу. Самсон орудие бросать не хотел.

– А я выстрелю, а потом меня поперёк седла и вдоль берега. Я же легче чем... чем легче.

– А как же брат? – фрайфрау Мария в слёзы ударилась.

Эх, так ведь и не появился нашатырь. Иоганн даже решил снова заменитель попробовать, надавать пощёчин. Нашла время сырость разводить. Курица! Так её братик любимый назвал, по которому она слёзы хнычет.

– Дуры! И ты старый дурень! Бежим быстрее. Наоборот, чем больше тут всего оставим, тем больше они задержатся! Будут доспехи богатые с Генриха снимать, будут вокруг пушки ползать. Сам же говорил, что её разорвёт при следующем выстреле. Ещё туда пороха запихать надо. Они ведь точно

попробуют из неё пальнуть, – рыкнул на всех управляющий и на Киселя зыркнул, мол, давай, ты ещё причину самоубийства найди.

Ушли минут через пять. Досыпали в ствол пороху, предварительно пыж и щёбёнку вынув, потом снова зарядили. Иоганн, если честно, то не верил в эту ловушку. Уж больно всё на тоненького. Должны возбудиться люди и захотеть пульнуть? Теоретически возможно. Все же в детстве бомбочки делают или китайские петарды покупают. Потом среди энтузиастов должен найтись человек, который знает куда огонь подносить. Уже сложнее. Но пусть даже есть... Не, ну один шанс из сотни, а то и из тысячи. Так ещё ведь и пушку потом может разорвать, а может и не разорвать. В общем, пацан считал, что пять минут они потратили зря, могли полкилометра прошагать.

Коней вели в поводу. Всех. Из телег тоже выпрягли. Самсона водрузили на Соньку без седла. Тюфянчей держался за гриву, держался за шею, за всё за что можно держался. Уздечки-то тоже нет. Так, кусок вожжи отрезали и вокруг шеи узлом завязали.

Иоганн бежал последним. Он даже минуту потратил, когда отряд уже тронулся вдоль берега, добежал до кустов и прислушался. Тугудыма слышно не было. Не поняли ещё литвины, что некого преследовать? Ну, поймут.

Догнав ехавшего последним Отто, он уцепился за стремя и перевёл дыхание. Что-то с похоронами в последнее время

не прёт семейке Лаутенбергов. Ни дна им не покрываю.

Шли себе и шли, и никто им «стой, стрелять буду», не кричал ни на немецком: «Halt, oder ich schieße» ни на литвийском. М. Белорусском? «Стой, страляць буду». Стою. Стреляю.

Час шли. И все Отто Хольте проклинали. Особенно Мария, ещё особенней тюфянчей. И совсем уж особенно кутилье барона. Они его даже таким сложносочинённым словом, как *der Minuskumpel* (предатель, подлец) обзывали. А всё потому, что пока они шли по совершенно нормальному речному берегу, где телеги вполне могли бы проехать. Не автобан, но проедет, тем более, если Сонька запряжена. Нормальный такой покос. Встречаются кустики вербы, таволги, но проедет. А этот *der Maulaffe* (брехун, пустомеля) заставил их в телегах столько добра бросить и труп господина ещё. Гад гадский, *der Klowurm* (глист).

Управляющий стоически терпел. Даже глиста вытерпел. И ничего он не глист, ну худой. Гораздо более глистей фон Бок. Вот тот настоящий *der Klowurm*.

Всё изменилось к концу второго часа бегства. Как Хольте и говорил, так всё и получилось. Деревья, поваленные старостью или бурей, которые на дрова ещё не распилили, перегородили прибрежную полосу. Потом река вильнула и старицу небольшую оставила, практически болото. Управляющий плечи расправил и возле одной особенно огромной вывороченной сосны предложил привал устроить. Не дальше и не

ближе, прямо возле. Ну, чтобы критиканы видели и осознавали, кто тут подлец и предатель.

Привал – это не такой привал, где каптенармус сразу из реки воды с лягушачьей икрой зачерпнёт и чай или кашу варить в котелке поставит. Нету котелка. Потому привал – это просто спиной к сосне привалились и мечтают все о каше и чае. Похоже, но не то. Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении. Ильич сказал. Ощущения же в голове только. Материи нет.

И тут Отто вообще нос задрал. Еле слышно, так, на самом краю слуха, на востоке бабахнуло. Они уже километров семь – восемь отшагали. Бабах.

– Пищаль! – первым сообразил Самсон Изотов.

– Пищаль!

– Печаль! Земля им пухом! – победно оглядел сомневающихся управляющий.

– Встаём. Теперь они разозлились и ломанутся сюда. И ту свободную часть дороги рысью поскачут, – оборвал всеобщее ликование Кисель.

Встали. Пошли.

Природа решила помочь. Непонятно кому, но решила. Дождь, который два дня собирался, взял и собрался наконец. Не ливень, но хороший такой холодный осенний дождь. Потом и река помогла, тоже непонятно кому. Опять попала старлица заболоченная, а весь лес перегородил бурелом. Словно тайга на Урале, а не цивилизованная Юрмала. Хоть

лошадей бросай. Шли всякими загогулинами, вроде идёшь, идёшь, пройдёшь с километр, а если без курвиметра мерить, то сто метров. Такая гонка больше часа продолжалась. Иоганн двигался последним, ему-то проще всего, у него коня нет, а пацану двенадцатилетнему перескочить сосну поваленную раз плюнуть. Он и услышал сквозь шум дождя ржание лошадей преследователей. Нда, решили их литвины догнать.

– Догоняют! – крикнул парень маячащему перед ним в пелене дождя Юргену.

– Быстрее. Шнелер. Сейчас согреетесь. Сейчас будет die Affenhitze (пекло, жарница).

Событие шестое

Иоганн ускорился вместе со всеми. Постарался. Один без лошади он мог бы спокойно обогнать всех и за час пробежать оставшиеся восемь или семь километров по лесу до замка. А скорее всего и быстрее. Ближе к замку точно буреломов не будет. Там жители дорфов не то, что деревья, все сучья подобрали. Зима здесь хоть не как в Минусинске или там Оймяконе, но это зима и нужно ежедневно топить очаг. Все дети зимою шастают по округе и собирают хворост, а если вдруг какая сосна завалится, то мгновенно находится дед Мазай с топором и Сивкой-буркой, который быстренько это в поленницу дров у себя под забором превратит.

Но это без лошади можно бежать, а так веди её в поводу и обходи препятствия. А ещё чёрт бы их подрал – эти ветви на уровне головы всадника. Бамс, и в рожу неожиданно прилетело.

Там, за спиной, тоже люди не сами по себе. Люди ржут редко и не так громко. Там тоже лошади. И они тормозят рыцарей. Да, там нет женщин и безногих, там опытные подготовленный и злые воины, но и у них ускориться сильно не получается. Часа три уже не могут догнать.

Преследование кончилось неожиданно. Не так, преследование-то продолжалось. Бегство кончилось. На пути была река, небольшой приток Аа, может и названия нет. (река Нериня). Но дожди лили долгонько, да и был приток довольно глубокий. Пусть шириной всего метров семь, но глубиной метра два. Всё. Мы принимаем бой. Некуда больше бежать. Идти вверх по течению не вариант, там болотина.

– Бросим коней. Вон сосна валяется, отрубить мечом ветви и переплыть на ней... – выдал завиральную идею Юрген и сам рукой махнул, – не успеть. Отто, у тебя ведь шёлковая тетива? Мартин? А у тебя?

Те покивали, и сразу фон Бок стал на лук тетиву зелёную натягивать. Натянул на свой громоздкий арбалет шнурок из шёлка и управляющий.

– Пять стрел у меня осталось, – сообщил он Киселю.

– А у меня двенадцать, – пересчитал свои монах расстрига.

– Значит, только вы семнадцать пацаков завалите.

– Пацаков? Это на каком языке? – вот не отнять у фон Бока чего, так это любознательности.

– Мартин! – поторопил расстригу Кисель. – Займи уже место. Вон за то дерево встань.

Иоганн осмотрел воинство. Отдал тюфянчею дагу. А то Самсон сидел на земле убитый такой и на ладони пустые смотрел. На манеже те же. Пятеро воинов и фон Бок. Или шестеро теперь, Изотов уже ногтем проверяет заточку. В глотку вцепится врагу, а заберёт с собой на тот свет одного литвина. А учитель? А чего учитель. Двенадцать стрел из-за укрытия. Можно и за двоих плюсануть.

– Повоюем, – это Иван Фёдорович себе под нос.

– Чего ты там, Иоганн, молишься? Это правильно. Держи кинжал. Защищай женщин, – а чего, может и не совсем пропащий для мира человек Кисель?

Диспозиция выглядела так. Поляной это назвать тяжело. Тут дерево толстое разлапистое, тут кусты. Берег зарос лещиной и ивой. Сбоку комель вывороченной сосны торчит. Но при всём при этом пустого пространства хватает. Литвинам метров двадцать практически без укрытия придётся преодолеть. Иоганн бы фон Бока поставил за тот комель. Как бы во фланге у наступающих получится. И в прикрытие одного из воинов барона. Но не он главный и затевать ненужный спор с Юргеном сейчас не время и не место. Он Мартина поставил за то большое дерево, выступающего из кустов.

И ладно бы, но прикрытия ему не дал. Отто залез в кусты за этим деревом. Вот управляющий молодец, ни конный, ни пеший не подберётся быстро, и в эти кусты до самой реки отступать можно. Сам Юрген, двое кутилье Генриха фон Лаутенберга и Петерс на конях с мечами стоят в центре этой композиции.

Иоганн же с датчанкой и просто Марией тоже в кустах, но чуть сбоку, как раз за комлем сосны начинаются заросли шиповника и ивы, вот они за ними и схоронились. У датчанки и Иоганна по короткому, сантиметров тридцать кинжалу в руке. У мачехи чётки. Так-то, если она уговорит бога отца или бога сына, да даже бога святого духа вмешаться и им помочь, то неплохо получится. Да даже, если её тёзка – Дева Мария, отправит литвинов щелчком пальцев в Ад, то значит чётки, привезённые отцом из крестового похода, не зря сейчас в руках мачехи бегают. Не нервы это, а стратегия такая.

Тюфянчей с двумя конями с другой стороны поляны. Там склон к речушке начинается и болотина. Если что, можно инвалиду туда броситься. Лошадь за ним точно в топь не пойдёт.

Враги уже сообщили о своём приближении, слышно ржание лошадей и крики загонщиков. Улюлюкают. Охотники, мать их. На женщин и детей с инвалидами. Ну, посмотрим, недолго осталось. Первые охотники пошли по шерсть и восемь комплектов брони и оружие оставили. Поценнее шерсти железо.

Всадники показались минут через пять. Трое выехало на ту сторону недополянки из леса и остановились, богатырей с картины Васнецова изображая. Недолго позировали. Увидели четверых всадников и как давай орать ором хором.

И тут, не дожидаясь команды, вжикнул арбалет у Хольте. Отто молодец. Стрела толстая и тяжёлая вошла в грудь среднего богатыря, раздвинула кольчужные кольца и дальше процарапалась. Литвин покачнулся. Бросил орать и стал сползать в сторону левого богатыря. А Отто Поднялся во весь рост и спокойно, как на тренировке, сунув ногу в стремя арбалета, стал тянуть перчаткой тетиву зелёную на себя. Правый всадник тоже орать прекратил и вонзив шпоры в бока жеребца каурого скакнул в сторону управляющего. И тут в него влетела стрела фон Бока. Всадник был в ерихонке, куда уж расстрига метил неизвестно, но стрелял в профиль лыцарю и попал прямо под обрез шлема. Стрела вонзилась в нос и вырвав из него кусок дальше не полетела. Там стрелка на шлеме, она в неё вонзилась, сломалась и двумя обломками изуродовала чело лыцарю. Таких девушки не любят – безносых и безглазых.

Глава 3

Событие седьмое

Хор не зря производил ор. На него откликнулись и орально, и материально. С криками на поляну выскочило с десятков всадников. Видно было, что это один отряд, а не желающие побегать за местными, скучковались с разных мест. Лыцари были одеты в одинаковые коричневые плащи, и коричневые же штаны, почти невидимые из-за высоких чёрных сапог и набедренников железных. В руках у всех мечи. А нет, один с копьём в руке, но коротким и держит его наконечником вниз, так что сразу и не разглядеть. Шлемы у рыцарей разные, но в основном конические ерихонки, с козырьком и стрелкой, защищающей нос.

Выскочив на открытое пространство, литвины замешкались лишь на мгновение. Сразу видно, что это воины. Они узрели перед собой четверых всадников в броне и прищпорили коней, которые скачками с места понеслись к Юргену и кутилье. Про стрельцов рыцари не подумали. И зря. Отто уже успел взвести арбалет и брякнул на ложе следующую толстую стрелку. Вжикнула тетива и стрела полетела во всадника с копьём. Не специально Хольте выбирал, просто он

первым мчался. Метил управляющий в грудь. И не попал. В грудь не попал. Литвин выставил вперёд копье и пригнулся. Из-за этого стрела вошла в незащищённую щеку копейщика и продолжая крутиться взбила наконечником мозги литвина в омлет.

Иоганн был удивлён, когда столкнулся с этим, оказывается пёрышки к стреле привязывают не прямо, и не абы как, а под углом к оси центральной. И делается это, чтобы придать стреле (болту) вращательное движение. Вращение. С той же целью, что и пуле. Чтобы стрела в полёте не рыскала и не кувыркалась. Всадник помер мгновенно, но коню сказать об этом забыл или не успел. Вороной жеребец дестриэ продолжал нестись на проклятых дойчей. Дойчи подались в сторону и вперёд. Они тоже не знали про мёртвого уже копейщика. Юрген пропустил его слева от себя и вдогонку рубанул мечом по шее. Там бармица и неизвестно будь лыцарь жив стал ли он мёртв. Теперь же мертвее точно не стал. Он от удара и от рывка коня, упёршегося в колючие кусты по инерции, ещё вперёд подался и приземлился, вылетев из седла, прямо под ноги Иоганна, вызвав визг стоящих за ним женщин. А парень не сплеховал, он поднял с земли копье, прилетевшее прямо ему под ноги и в третий раз убил литвина воткнув его в открытую теперь шею, бармица задралась и съехала, обнажая шею из шатенистой головы торчащую.

Хекнув, очень довольный собой Иоганн вытащил окровавленный наконечник и поводил им туда-сюда, выискивая

следующую жертву.

Стрела, пущенная фон Боком, такой фатальной убыли в отряде лыцарей не принесла. Тем не менее, промахнуться у учителя не получилось. Пробив кольца кольчуги на руке выше локтя, она в этой руке и застряла, рука левая, меч из нее не выпал, не левшой был литвин. Он выпустил повод и покачнулся. Почувствовав свободу, кобыла коричневая вильнула в сторону, не желая наткнуться на меч Петерса, который держал, его вытянув перед собой.

Оставшиеся всадники врубались в ряды «наших». И сразу понесли, и нанесли потери. Один из литвинов первым же ударом меча дотянулся и рубанул кутилье барона Генриха фон Лаутенберга, имени которого Иоганн так и не узнал. Тот же пырнул лыцаря именно в это время мечом в живот. И литвин на полном скаку сам на меч себя нанизал. Правда, успел кутилье безымянному ключицу переломать. Кольчуга выдержала удар и не допустила ранения хозяина. Кость же сломалась. Оба всадника какое-то время ещё держались в седле, но лошади встали на дыбы, столкнувшись, и сбросили с себя седоков.

В это время фон Бок выстрелил второй раз. Практически в упор. Литвин был в трёх метрах от него. Нависал над Петерсом, готовясь снести ему голову. Стрела попала снизу под подбородок и тоже до мозга доковырялась. Петерс сумел подставить меч под ослабевший удар мёртвого уже лыцаря и свалил очередного литвина на немецкую землю.

Юрген фон Кессельхут отбил нацеленный ему по голове удар меча литвина и сам рубанул в ответ, но и противник смог подставить меч под удар, и, лязгнув, клинки отлетели один от другого. Лыцарь при этом подставил бок, и не отдал Кисель пацану кинжал, сейчас бы мог без труда вогнать его врагу в бок. Но нет, нет того кинжала. Юрген махнул рукой с мечом почти горизонтально, не дожидаясь, пока литвин восстановит равновесие, провалившись после удара. И меч врезался в кольчугу. Но и бил без замаха, и всадник ещё чуть вперёд подался, потому получился скорее шлепок по спине, чем удар. И уже не было времени на следующий. Прямо перед ним вырос очередной лыцарь в коричневом плаще и даже мечом замахнуть уже успел.

Отто Хольте именно в это время расставался с очередной стрелой. Скрепя сердце расставался. Из осталось-то всего ничего, а бой ещё и не начался толком. И стрела, обидевшись, в этот раз вильнула вниз и врезалась не в ту грудь, в которую её управляющий баронством послал. Попала она в грудь саврасой кобыле, а не в рыцаря на ней восседающего. Кобыла вздёрнулась на задние ноги, погрозила передними стрелку и завалилась на бок, прижав ногу седоку, а может и переломав её, тонна не тонна, но массивная коняшка, да с такой амплитудой. Отто сплюнул и сунул ногу в стремя, в очередной раз потянул тетиву на себя, заряжая арбалет.

Событие восьмое

Прямо пред Иоганном вынырнул из-за спины Киселя всадник. И литвин ни женщин, ни пацана пока не видел, он сидел в седле, чуть не на сто восемьдесят градусов развернувшись, пытался достать мечом Юргена – Киселя. Поздно, Юрген уже далеко позади остался. Впереди же у лыцаря был двенадцатилетний пацан. Скоро тринадцать. Через два месяца. В руках у Иоганна было копьё со следами вражеской крови на наконечнике, заточенном до острия опасной бритвы. Ухаживал бывший хозяин за оружием. Иоганн ухоженный наконечник в морду жеребца и сунул. Вороной был не дурак и на грязный наконечник не полез, правильно посчитав, что так можно и заражение крови получить и царапину на морде, он прынул правее. Слева тоже тётенька в него иголкой острой тыкала. Осатанели эти двуногие черти.

Всадник, всё ещё развёрнутый на сто восемьдесят градусов, от резкого рывка и смены направления, раскрутился назад и наклонился вперёд, чтобы равновесие сохранить, в седле удержаться. А пацан, с перепугу тыкал и тыкал копьём в приближающегося врага. Очередной тычок достиг цели. И это была голова литвина. Нет, не убил, и даже не ранил. Копьё скользнуло по конической ерихонке и... упёрлось в плечо. Мальца ударом отбросило назад, но всаднику это не помогло. Наконечник копья залез под предплечник, и когда

парень выронил копьё, и оно опустилось к земле, то, продолжив движение, конь упёр древко в землю, и, пропоров кольчугу, грязный наконечник испачкался ещё больше, разорвав шею литвину. Лыцарь выпал из седла, брэнча доспехами, и предоставил Иоганну взамен утраченного оружия следующее. Прямо под ноги ему подкатился совсем не нужный больше лыцарю меч.

Один из литвинов всё это время рубился со вторым кутилье барона. И побеждал. Он уже умудрился врезать мечом по шлему немцу, и тот почти потерял ориентацию, поплыл, только и мог, что держать меч перед собой. Помогало это мало. Литвин был опытным воином, и ещё несколько раз умудрился, обходя препятствие, рубануть по тулову и голове кутилье. Меч из рук оглушённого воина выпал, и литвин, рукой сдёрнув с того шлем топфхелм (нем. Topfhelm), мясницким ударом сверху вниз, двумя руками теперь ухватившись за рукоять меча, отрубил немцу голову.

Увлёкся только литвин и насладиться победой полностью не успел. Отто Хольте успел вновь зарядить свой смертоносный арбалет и послал стрелу в грудь мяснику. А этот победитель руки с мечом вскинул, предлагая Перуну подивиться, какой он крутой мечник. Перун обрадовался и тут же забрал этого война к себе... Или, где там боги с героями пьянствуют? Или это не те боги? Словом, воин, отрубивший голову немцу, умер, получив стрелу арбалетную в сердце. Не спасла и этого кольчуга.

Фон Бок следующую стрелу профукал. Куда-то туда улетела. Куда? Туда. Не попал. Метил в голову последнего... ай, крайнего литвина. Замыкающего. Вот, правильное слово. Все лыцари уже втянулись на полянку, и большинство уже в бой вступило. При этом половина уже и выступила. Отправились в райские кущи с девственницами пировать. Кого стрелой успокоили, кого не стрелой. Мартин выхватил из колчана, висевшего за спиной очередную стрелу и, наложив на тетиву, потянул ту к щеке. Замыкающий и не заметил, что в него чего-то там летело. Он остановился, решал куда направить красивого редкого такого цвета буланого жеребца. Решил прорываться в тюфянчею. Ну, оружие у человека есть, кольчуга есть, рядом кони, а то, что он на коленях стоит, так это его проблемы, удобнее сверху с седла будет рубануть.

Мартин к этому русскому пушкарю привязаться успел. Не, ну и что, что не понимают друг друга, так-то человек хороший. И опять же инвалид, а при деле, не опустил руки. Эвон сколько пользы за последние несколько дней со своей деревянной пушкой принёс. В этот раз промахнуться было нельзя. Стоящий на коленях Самсон с короткой дагой и литвин с бастардом на коне не равные противники. Фон Бок задержал дыхание, подвёл наконечник стрелы к середине спины лыцаря и отпустил стрелу в полёт.

Не спасло замыкающего ни то, что он дёрнулся, занося меч, ни то, что в кольчуге был, ни то, что спиною к смерти был. Она его увидела, оценила, посчитала годным и забрала.

Стрела Мартина раздвинула кольца кольчуги и вошла в тело, распихивая плоть в сторону, прорываясь к сердцу, прорвалась и радостно впилась в него, останавливая.

Иоганн поднял, прикатившийся ему под ноги, меч и огляделся. Всё было хреново. Семеро литвинов окружили почти и добивали Юргена фон Кессельхута и последнего воина барона. Каким бы хорошим мечником не был Кисель он не может справиться с семерыми. Петерс и второй кутилье лежали на земле. Из плюсов можно было считать то, что литвины пока игнорировали фон Бока и Отто. Ну, и Самсон был ещё жив. Тыкал как раз дагой в лежащего перед ним литвина. Теперь уже бросил и, отобрав у истыканного меч, взял его в правую руку, дагу переложив, как и положено, в левую.

И главный плюс, сам Иоганн тоже был жив и даже здоров.

Помочь Юргену пацан не мог. Хотя... А почему нет? Не раздумывая больше ни секунды, Иоганн, подбежав к окружившим Киселя всадникам, и воткнул меч в зад вороному жеребцу. И чудом не получил копытом в лоб. Чудо произошло – копыто мимо пронеслось. Иоганн отскочил назад. А конь присел на задние ноги, потом вскочил, скакнул в самую гущу литвин, окруживших Киселя, и потом, заорав как раненый, завалился на бок. При этом ещё и перевернулся через спину и через лыцаря.

Событие девятое

Отто Хольте брякнул предпоследнюю стрелу на ложе арбалета. Две последние почти в пустую потратил. Одна вообще просто улетела, а вторая попала в наплечник вражеского воина и отрикошетила, только чуть качнув того. Управляющий видел, что им капец полный приходит. Второй кутилье Генриха фон Лаутенберга только что получил рану сначала в руку, а потом и сильнейший удар по шлему выбил его из седла. Юрген остался один против пятерых литвинов, он только что зарубил одного и теперь отбивался сразу от двоих и отбивался вяло, устал явно. Трое лыцарей крутились поблизости, но подъехать опасались, огромный вороной жеребец, раненый Иоганном, крутился на земле позади фон Кессельхута и не давал подъехать к нему с этой стороны. Но время работало явно не на них. Больше промахиваться было нельзя.

Отто вскинул арбалет, выбирая себе цель. Бить по ближайшему? Но Юрген не справится с двумя противниками, а именно он сейчас сдерживает врагов, не даёт им понять, что не мечник этот главный соперник, а он и фон Бок. Они своими стрелами уже чуть не две трети литвин положили, а противник даже не предпринял ни одной попытки разделаться с лучником и арбалетчиком. На их пути стояли всадники. А теперь только один всадник. Потому, как ни просил-

ся под выстрел вертящийся прямо перед ним вражеский воин, Хольте выцелил того литвина, что был справа от Юргена и потянул за скобу.

Вжик. Стрела ушла и врезалась чуть выше того места, куда хотел отправить её управляющий. Она попала в бармицу прикрывающую шею лыцарю, но, на счастье Юргена, не скользнула, не отскочила, она пробила плотное плетение железных колец, потеряв при этом все силы, и только самым краем чиркнула по шее. И этого хватило, так как чиркнула она по сонной артерии. Кровь, отворённая этой царапиной, по существу, настоящим ручьём хлынула из шеи вражеского воина, и он сначала схватился рукой за горло, потом попытался сорвать ерихонку, но ремень ему не давал сделать этого, а главное, он отвлёкся от Юргена, и тот, увидев, что остался один на один со вторым литвином сумел сначала удачно отбить меч, а потом своим чиркнуть по лицу противника. Носовой стрелки у лыцаря не было, и кончик меча фон Кесельхута пропорол ему щёку и перерубил хрящ носа.

Отто Хольте этого всего не видел. Он упёр стремя арбалета в землю и, наступив ногой в него, потянул тетиву вверх. Вот и всё – это последняя стрела. Ничего, при нём ещё и меч. Но нужно попасть, обязательно попасть, и этой стрелой, вон в того воина, который заметил стрелка и поворачивает коня сейчас в его сторону.

Мартин фон Бок тоже наложил на тетиву последнюю стрелу. Предпоследнюю. Если все считать, но эту последнюю он

только что сунул назад в колчан. Она оказалась без наконечника. Выстрелить-то можно, толку только будет пшик один. Ноль. Этой цифре его Иоганн научил. Индийцы придумали. Вообще индийские цифры... Тьфу! Не об этом сейчас думать надо, не о цифрах. О врагах сейчас нужно думать. Вон в того воина нужно попасть, в не таком, как у всех, коричневом плаще, а в красном. Возможно, он у них командир? Почему-то эта деталь раньше в глаза расстриге не попадалась. Не было времени о цвете плащей думать, тем более, он не так и резко отличался у этого воина. У всех коричневый чуть красноватого оттенка, а у этого наоборот красный, но тёмный и в коричневый почти стремящийся. Но теперь точно именно он станет последней целью.

Мартин натянул тетиву, и на секунду задумался, куда целиться? Литвин был к нему боком повёрнут. В голову опасно, может отскочить стрела от шлема, может просто сломаться. В руку, так он левым боком повёрнут, меч в другой руке. В бок под рукой? В ногу? В бок. Фон Бок выдохнул и, переместив чуть направление, отпустил тетиву. Вжик, как всегда, по пальцам получил, не будь защиты, так и без пальцев можно остаться.

Иоганн смотрел на дело рук своих, на катающегося по земле вороного жеребца и мысленно просил у того прощения. Конь был красивый. Примерно такие будут в будущем... хотя, может и есть уже – фризы. Жеребец весь был чёрный и ноги с бахрамой. И здоровый гад. Он жалобно ржал

и катался на спине, раз за разом вдавливая в землю своего бывшего хозяина. Тот уже и не дёргался, или сознание потерял, от переломов всяких или вообще помер. Попробуй тут не переломайся, когда по тебе тонна катается, да не просто катается, а ещё и ногами лягается, попадая подковами железными куда бог пошлёт.

Ситуация чуть улучшилась. А по сравнению с тем, что было в самом начале боя так просто день и ночь. Лыцарей, мать их за ногу, осталось трое. Против трёх... Едрит – Мадрид! Кисель пропустил удар по ведру на голову надетому, покачнулся, выпустил меч, и, получив ещё один удар по плечу сверху вниз, свалился под ноги Рыжика. Трое литвин против Отто, у которого кончились болты – стрелы, и фон Бока, который тоже лук отбросил и потянул из ножен меч. Трое воинов на конях, против двух любителей, инвалида и пацана.

Самое время мачехе позвать на помощь тёзку – Деву Марию. Без неё труба.

Глава 4

Событие десятое

– Стоять! (stehen), – Мартин фон Бок, уже отбросив лук и, вытащив из ножен меч, вдруг решил, что есть у них крохотный шанс на ничью. Он воткнул меч перед собой в землю, поднял лук и наложил на тетиву последнюю стрелу, ту, которая без наконечника. Могут в горячке боя литвины не заметить, что это простая деревяшка, которая причинит вред только в одном случае, если точно в глаз попадёт?! Нулевой почти шанс. Это же не кино.

– Иоганн, переведи! Durchfallet! (проваливайте), – завopil расстрига так, что даже бившийся в агонии вороной жеребец с пропоротым задом остановился и прислушался.

– Убирайтесь, или он выстрелит! – крикнул, ухватившись за эту надежду обеими руками, пацан по-русски.

– Durchfallet! – снова заорал фон Бок.

Лыцари рассредоточились. Они видимо о существовании фон Бока не подозревали. Один направил коня к стоящему с мечом в руке управляющему. Второй подбирался к тюфянчею Самсону, а третий, потерявший во время сражения где-то шлем, и теперь демонстрирующий пакли серых во-

лос сосульками такими спускающими на плечи, подбирался к Иоганну. Фон Бок почти в тылу у литвин оказался.

Задумка не сработала. Да и не могла. Бой перерос название бой, это была схватка, не на жизнь, а на смерть. Из почти двух десятков литвин трое только живы и здоровы, возможно несколько просто ранены, но о них никто не думал сейчас. Их осталось трое против трёх или двух даже врагов и пацана с женщинами. Не остановить всех этому стрелку. Пусть стреляет, они уже там, за гранью, и стрелой ничего не изменить. Тем более, даже само предупреждение непонятно, зачем предупреждать, что выстрелишь, если можно просто выстрелить.

– Ура! – прорычал один из лыцарей, и двое остальных, прохрипев в ответ боевой клич, бросили коней в атаку.

А оставленный литвинами за спиною фон Бок выстрелил. Двое всадников были к нему точно спинами, и лишь тот, что первым выкрикнул боевой клич и бросившийся на Иоганна был вполоборота. Но надеяться попасть в щёку наполовину скрытую бармицей ерихонки, значит быть, как выражается непонятно его ученик, «стопроцентным оптимистом». И не в него выстрелил Мартин, он выстрелил в его коня. Расстрига видел, как выпад мечом пацана в зад коня подарил им пару минут жизни и уменьшил число врагов минимум на одного. В круп, прицелившись коню под хвост фон Бок и выстрелил стрелой без наконечника. К этому времени угол прилично уменьшился, уже не девяносто градусов, может тридцать. И

стрела попала туда, куда Мартин её и послал, точно под хвост жеребцу.

Самсон Изотов стоял на коленях и сжимал в правой руке бастард, а в левой тяжёлую дагу. Он не был двоеручным бойцом, он даже бойцом толком не был, лишь дважды он участвовал в рукопашных боях, когда ещё не был тюфянчеем. Тогда у него было копьё, и он бежал в общей массе копейщиков на татаровой. С мечом же обращаться пушкарь и не умел толком. Сейчас к нему дёрганными прыжками приближался на мощном коне закованный в железо настоящий воин. Он уже отвёл руку в замахе с мечом и оставалось коню проделать всего один последний скачок, и литвин сможет дотянуться до прикрытой только мурмолкой головы тюфянчая.

Сам не понимая, что делает, Самсон через эту мурмолку, через голову, кувыркнулся под ноги коня. Передние ноги жеребца пронеслись в верхушке над инвалидом и сейчас на него летели уже задние. Изотов плюхнулся на спину и вытянул вперёд левую руку с дагой. Меч слишком длинным получался и пришлось его выпустить из руки. Острое оружие итальянских мастеров легко вошло в совершенно ничем не защищённый живот жеребца на всю длину, на тридцать пять примерно сантиметров. Самсон отпустил руку и крутанулся под конём, ложась в позу эмбриона.

Отто Хольте держал меч обоими руками. Всадник не мчался на него на полном ходу, нет он словно играл с немцем, боком эдак медленно приближался, позволяя тому по-

казать спину и сбежать. И управляющий может и сбежал бы ещё три дня назад, но уж больно много всего произошло за эти дни. Отто вспомнил молодость, вспомнил свою жизнь ландскнехтом. И теперь просто стоял с мечом в руках и ждал. Даже знал, что делать будет через несколько секунд, когда литвин к нему приблизится.

Всадник замахнулся сильнее и рубанул по замерзшему, как он думал в оцепенении старику с седой бородой. И в этот момент Хольте чуть отшатнулся, пропустил меч перед собой и просто ткнул его в живот нависшему над ним литвину. Нет, не просто ткнул. Сложно ткнул. Всю силу и ног, и рук вкладывая в этот колющий удар. На литвине был бахтерец и кольчуга явно плотного двойного плетения. Надёжная защита. Но и меч Отто достался интересный. Это был боршверт (першверт) – колющий меч без лезвия. Клинок в сечении имеет форму ромба. Им можно, конечно, рубануть с плеча, так и простой палкой можно, эффект одинаковый будет. Зато от колющего удара этой спицы никакая кольчуга не спасёт. Не спасла и отличная кольчуга литвина, почти квадратное тонкое лезвие раздвинуло, разорвало кольца кольчуги и проткнуло лыцаря насквозь.

Конь проехал дальше. Всадник при этом ногой оттолкнул Отто, и тот упал, откатываясь в кусты шиповника почти к болотцу, несколько раз перекувыркнувшись на сырой траве. Дождь не переставал моросить, и трава была очень скользкой. Только шиповник смог задержать падение управляюще-

го. Он тут же вскочил на колени и приготовился броситься на литвина, чтобы стащить того с лошади, но этого не понадобилось. Всадник откинулся назад и лёг на спину коня. Из живота у него торчал тонкий боршверт.

Событие одиннадцатое

Иоганн и хотел бы отойти с дороги литвина, но куда? Позади мачеха и датчанка прижатые к кустам лещины и ивы. Можно дёрнуть влево в сторону Самсона, там кусты пореже и там болотце, оно не может быть глубоким и топким. Тут до речушки этой три – четыре метра, и они чуть не на одной высоте с берегом. Ну, по колено то болотце, а дальше река, и на нём нет никакого железа, и он, возможно, единственный человек до самой Японии или Филиппин с их ловцами жемчуга, который умеет плавать. Переплывёт и уцелеет. А женщины? А чем его смерть им поможет? Нет. Никуда он не побежит. Пацан покрепче, вспотевшими уже в который раз за сегодня ладонями, ухватился за рукоять меча и выставил его перед собой. Не должен, если книгам верить, конь буром переть на острый клинок. Кони они умнее человеков.

А конь не просто попёр, он вдруг как гепард какой прыгнул просто вперёд, и... И как врежется носом в острие меча, выбивая его из рук пацана. Иоганн даже испугаться толком не успел, когда огромное животное сбило его с ног грудью, грохнулось на бок, ломая с треском кусты и как давай

орать благим матом, совершенно на ржание не похожим. Пацан откатился в другую сторону, под ноги стоящей впереди датчанки. И стал вслед за ними пятиться, вжимаясь в кусты. А лошадь орала и крутилась среди кустов молодой лещины. Где-то там и всадник среди этого погрома должен быть, тот самый что «ура» вопил.

– Что теперь не уракается? – Иоганн поднялся на ноги, поддерживаемый Марией, которая датчанка, и вынул свой кинжал маленький из-за пояса. Как только не напоролся какой нужной частью тела на него. Ну, в будущем нужной... Хотя и сейчас не лишняя. Куда без неё?

– Кровь у тебя! – ткнула датчанка ему в ногу.

Вот ведь, не той конечностью так другой на кинжал всё же напоролся. И не почувствовал в боевом угаре, как ногу пропорол концом клинка. Иоганн сунул руку в штанину и потрогал... чего уж потрогалось. Нет, дыры в ноге не было, порезался просто и не сильно, руку вытащил, а она не вся красная, а частично и малиновая.

– Фух! Заживёт до свадьбы.

Конь продолжал ломать кусты и вбивать в них седока, который и не седок уже, а лежок.

Прямо в полутора метрах от Иоганна и примерно в таком же расстоянии от задних ног бьющегося в кустах коня лежал меч, на который, с какого-то перепугу, прыгнул конь. Встав на карачки, пацан добрался до меча и так же на коленях, отступая, поволок его за собой. Конь чуть не выбил при этом

дурь из головы мальчишки. Как лягнёт копытом. Как снова лягнёт. Сразу анекдот вспомнился про медведя и лошадь, ну, тот, где медведь потом и говорит: «Вот дурак и чего полез, всё одно неграмотный». Иоганн как раз грамотный, но прочесть, что на подкове написано, не успел, с такой скоростью они у него перед носом мелькали. Как-то не удосужился в той жизни изучить скорочтение.

Самсон Изотов открыл правый глаз. Потом левый. Райских кущ не видно, ворот рая тоже, но и чертей с их сковородками или котлами не видать. Перед ним измятая трава и шум за спиной. Но так не хочется оборачиваться и узнавать, чего там опять шумят. Он мысленно с жизнью простился, приготовился, а тут шум. Зачем?!

Орал человек. Орал не человек, лошадь жалобно ржала. Наверное это та, которой он в пузо дагу сунул.

– Прости, коняшка, отмолю потом этот грех.

– Вставай, жив? – нет, не эти слова. Интонация эта. Чего-то на немецком каркающем каркает учитель Иоганновский. Однако руку суёт, пришлось ухватиться за руку тюфячье и встать на колени.

– Барбарбия керкуду!

– Чего? Ты бусурманин по-нашему, по-человечески, по-русски, говори.

– Говорить ты – brauchbar (полезный), – Мартин учит латыни и греческому Иоганна, а от того потихоньку русский перенимает. Чуть начал балакать.

– Сам ты браух, сам ты бар. Чего литвины-то?

Монашек бывший ткнул мечом в болотце за спиною у тюфячя. Самсон всем корпусом поворотился, шея чего-то не ворочалась. Там лошадь с пропоротым пузом биться продолжала, а всадник стоял на коленях по пояс в воде и головой крутил, в руках оружия нет. Рожа вся в крови и орёт ещё. Крутит и орёт. То ли на помощь зовёт, то ли зовёт на помощь. А некого звать-то.

– Алес, говорить. Гешторбен, говорить. Труп, говорить. Этот один говорить.

– Ты, Мартин брось говорить, ты делай. Добей болезного, слышишь орёт? Больно ему. Добей. Ферштейн. Гешторбен. Алес. Я бы сам, да мне тяжко. Видишь ног нет. Видишь?

Фон Бок мечом ткнул в орущего в болотце литвина.

– Töten?

– Во, во! Тотен мотен. Голова с плеч. Мечом в ливер. Тотен. Я не тотен. Я без ноген.

Мартин вздохнул, перехватил меч, дошагал до края болотца. Потом переложил меч в левую руку и перекрестился. Долго так вдумчиво. Трижды.

Бамс. Бабамс. Конь попробовал встать на ноги, и орущий литвин заткнулся и попытался за гриву коня уцепиться, но промахнулся, чуть не дотянулся и упал мордой в болото. А конь на подгибающихся ногах не удержался, заржал особенно жалобно, совсем уж не по-человечьи, и свалился назад в воду, грязь и тину. И придавил при этом литвина – хозяина

своего бывшего.

– Вот, что крест животворящий делает! Не пришлось брать грех на душу, – теперь расстрига активнее начал креститься, благодаря Господа.

Событие двенадцатое

Спать легли однажды дети —

Окна все затемнены.

А проснулись на рассвете —

В окнах свет – и нет войны!

Стих есть такой у Михалкова.

Нет в том стихотворении, как мачеха бьётся головой о мёртвого Киселя. Там сразу слава героям, что лежат в земле сырой. А тут? Теперь у них на руках не только труп Генриха, вот один из его кутилье мёртв. Петерс – слуга Юргена фон Кессельхута тоже мёртв, второй кутилье вроде жив, но стонет и в сознание не приходит. Нет в том стихотворении и того, как Отто Хольте ходит и лошадей раненых плачущих добывает, а фон Бок, как истинный тевтонец, обходит славян – они же литвины, и их добывает. Да теперь у них ещё и Юрген мёртвый.

– Как думаешь, Отто, что там с гробом, с пушкой, с доспехами? – не, не жадность в Иване Фёдоровиче проснулась,

и даже не рачительность. Он как раз подумал в первую очередь о Генрихе фон Лаутенберге. Дяде. Хоронить ведь надо. Про доспехи, это ход такой придумал, чтобы растормошить впавшего в транс, после того как семь лошадей к их лошадиному богу отправил, управляющего. Плевать старому воину, наверное, на труп барона, а вот доспехи...

– Бу-бу-бу, – Отто сидел с закрытыми глазами и на доспехи даже не среагировал.

– Это ведь речушка, насколько я понимаю, из озера вытекает и в Аа впадает. То есть, где-то в трех – четырёх сотнях метров отсюда мост есть. А за ним в километре Кеммерн начинается.

– Бу-бу-бу, – ответил управляющий.

– Блин! – Иоганн себя по лбу стукнул. Понял, что по-русски говорит.

– Отто, мы рядом с Кеммерном, нужно мне, наверное, за помощью сбегать.

– Бу-бу-бу.

– Блин. Люди-то на том берегу...

– Бу-бу-бу.

– Значит, сами. Вон тут лошадей сколько, погрузим наших на лошадей, а с этих доспехи снимем...

– Бу... Да, нужно лошадей собрать. Иоганн, я посижу пару минут, помолюсь и начну лошадей ловить, а ты бы прогулялся до моста, посмотрел, есть туда дорога или тропинка. Я в этих местах и не бывал никогда. Это не наши земли. Наши

как раз до этой речушки. Нериня называется.

Посидит он. А то сам пацан не устал. Он бы не просто посидел... да, он бы и полежал. Дождь? Пофиг. Даже хорошо. Прохладненький. Чистенький. Лежи себе и думай о брэнности...

– Иоганн, дай мне копьё. И стрелы вырви, какие получатся, сначала из литвинов, – в другую совсем сторону направил его Самсон Изотов.

– Зачем? – пацан, шатаясь прошёл до копья... м... до лыцаря, из шеи которого оно торчало.

– Зачем?! А затем, что вдруг это не последние. А нам и обороняться нечем.

– Да, как так-то?! Хватит. Ну, пожалуйста!

А в ответ тишина. Он вчера... Устали они. А он не устал?! Иоганн потянул за древко, труп дёрнулся. Пацан отскочил. Потребовалась минута целая, чтобы убедить себя, что литвин мёртв, а это так остаточные сокращения какие-то.

В общем, через полчаса, когда дождь, наконец, кончился, Иоганн пошёл на разведку. За это время он вырвал из ворогов семь стрел. Две сломал, две наконечник решили литвинам оставить, а вот три были пригодны, наверное, для повторного применения. Он их даже в речушке сполоснул перед тем, как фон Боку отдать.

Отто как раз намолился, фон Бок отдышался, а Самсон отругался, и все они занялись ловлей лошадей и сбором трофеев, а парень двинул вдоль речушки вверх по течению. Троп

не было. Дорог тоже. Но с другой стороны и буреломов особых тоже не было. Нормальный для этих мест редкий сосновый лес с ещё более редкими кустами всякими. Можно пройти лошадей ведя в поводу. Верхом сложнее, ветви будут мешать, но в принципе не критично, чуть кривей дорога получится, чтобы тюфянчая вывезти.

Мосток был. Тот самый, который они не так давно ремонтировали. Стоит себе, лучится счастьем свежей светло-жёлтой древесины. Иоганн даже перешёл на ту сторону, на «СВОЮ» землю. Ничего. Никаких трепетов. Усталость, вот всё, что чувствуется.

Вернулся он к месту побоища. А там суета и бряканье. Отто и фон Бок с помощью Самсона Изотова избавляют семнадцать литвин и троих наших от доспехов. При этом женщины не сидят в сторонке, тоже делом заняты. Ну, так себе дело. Они обмывают в речушке тело Киселя от крови. Раздели его по пояс и оторванной от какого-то плаща литвинского коричневого с чела Юргена и с шеи, разрубленной, его кровь смывают.

– Можно пройти. Тропинки или дороги нет, но между деревьями пройти можно, – сообщил он трофейной команде.

– Бери вон тех двух лошадей и веди к мосту, – управляющий в себя уже полностью пришёл, он сунул в руку Иоганна две уздечки. К ним прицепом два коня. Из плащей литвинов связаны четыре тюка набитых железом, и они перекинута по два через сёдла. У болотца лежат обобранные до нижних

рубах вороги их бывшие.

Понятно почему долго не могли найти Куликово поле. Никакого железа после себя победители не оставляют. На семнадцать комплектов брони и оружия, если продать в нужном месте, том же Мариенбурге, например, можно столько денег выручить, что на баронство такое, как у его отца, хватит. А ещё десять хороших коней. А два жеребца вороной и буланый так вообще марок двадцать стоят. Богатство настоящее. Это сколько кусков мыла нужно сварить, чтобы такие деньги заработать?

Неужели этот день когда-то закончится? С этими мыслями Иоганн плёлся к мосту и вдруг встал как вкопанный. Ему оставалось пройти метров пятьдесят и будет опушка, а там и дорога с мостом. Так вот, от моста слышалось ржание коней и крики людей.

Глава 5

Событие тринадцатое

Скольки-то там юродный брат старшего фон Лаутенберга – Отто, который – отец Юргена – барон Бернхард фон Кесельхут был на войне. Его туда сам ладмейстер с копьём вов вызвал. Кажется, в столицу, в Мариенбург? Их баронство находилось где-то в направлении Мемеля, и туда, хоронить Киселя, точно никто не поедет. Потому, похороны рыцаря решили провести в Пиньках на погосте их церковки. Генриха заодно тоже прикопать. А то таскают его бранные останки уже седмицу целую по стране туда-сюда. Даже то, что осень всерьёз накрыла Прибалтику, не сильно помогало. К новому гробу подойти было не просто, запах останавливал и желающих и обязанных это делать. Лошадь пугалась и отказывалась скорбную ношу тащить, вырывалась, не давала себя запрячь. Пришлось укрыть оба гроба, изготовленных Карлосом, накрыть попонами и завалить ещё сверху соломой. Получился воз со стогом. Только после этого Сонька сдалась и милостиво позволила хомут себе на шею надеть.

Как же Генрих оказался вновь в замке барона Зайцева? Явно божьим велением.

Иоганн, подойдя к мосту через речушку и, услышав там разговоры и ржание коней, совсем было в панику ударился. Со всех сторон вороги обложили. Пся кровь! Он уже стал отступать назад к болотцу их, увлекая лошадей, нагруженных хабаром, и молясь про себя, хоть и был атеистом, чтобы кони не заржали, услышав ржание лошадей на мосту, когда именно это и произошло. Он ведь за уздечки тянул двух жеребцов, а там, сто процентов, кобылка какая крикнула: «Иго-го, налетайте жеребцы, вот она я какая-растакая»! Кердык! Оба его ведомых упёрлись и давая ржать на все лады, свои стати расхваливая и друг друга перекрикивая. Если честно, то хвалить было что. И не только это, но и рост и размер.

– Ай! Мать вашу! Капец нам. Не могли промолчать? – парень повернулся к мосту, всё одно не убежать.

Иоганн достал из-за пояса дагу, которую ему вернул тюфячней, промыв в болотце, а потом травой почистив от конской крови. Достал, отпустил поводья и вытянул оружие в сторону приближающихся врагов. Кому там ещё быть? А вороги ломились через редкий лес, прямо, не слезая с лошадей. Гады!

– Иоганн? – воскликнул первый враг.

– Иоганн! Ты жив?! – обрадовался второй... помоложе.

Пацан бросил смотреть на кончик клинка и сфокусировал паникующие глазенки на врагах, откуда-то его знающих. Вона чё! И не вороги совсем. Первый был десятником Семёном, а второй – сын Перуна Андрейка.

– Где вы, черти вас задери, были, чтоб вас порвало и полопало! – обрадовался парень.

Дальше проше, Иоганна отвели к мосту, и он поведал народу, что вот тут в четырёх сотнях метров идет сбор урожая, доспехи и мечи всюду колосятся, а ещё приплод у коней лыцарских. Жеребятца. Даже уже ожеребились и подросли до приличных размеров, буланый один аж до метра восьмидесяти в холке подрос, великан не меньше их Рыжика.

Семён отправил десяток новиков на помощь страдальцам. Не, они уже не страдают. У них страда. А как называют тех, кто участвует в страде? Не страдальцы?

Сам же парень сел на мокрые доски, облокотился о новенькие, жёлтые ещё перила моста и закрыл глаза, пропуская мимо ушей все вопросы и попытки растормошить. У себя потормошите, после такой бойни и удирания по берегу. Только минут через пять, а то и все шесть с половиною, Иоганн открыл голубые свои глаза, глянул в серое дождливое небо и перевёл взгляд на серое, болезненное, лицо дядьки Семёна. Тоже после тяжёлых ранений не просто ему.

– Юрген убит, один кутилье ещё баронский и Петерс, слуга Юргена, а Карлос сбежал по дороге, сволочь. Может и второй кутилье уже помер. У него плечо разрублено и крови под ним полно. А ещё мы труп Генриха бросили в пару верстах от Пиньков или в трёх. У реки. Там и пушку бросили и доспехи. И телеги.

Семён информативную речь выслушал и спросил, поти-

рая шрам на щеке:

– А с Марией что?

– Там. Жива. И вторая Мария жива, мать Герды. Датчанка, тоже жива. Фон Бок жив, Отто Хольте жив, Самсон жив. Где вы были, сволочи?! Ты даже не представляешь, Семён, как нам тяжело пришлось! – слёзы в голосе прорезались. Это Ивану Фёдоровичу седьмой десяток, а испытания все эти свалились на плечи двенадцатилетнего пацана с его гормонами и слабым тельцем.

Семён подошёл к парню, поднял его с мокрых и грязных досок и, взвалив на плечо, донёс до Рыжика. А на том всё ещё тюки с добычей.

– Снимите, – двое новиков стащили, уронив, и забренчав железом, плащи с доспехами, и Семён усадил Иоганна в седло, – Тимка, проводи барона до замка. И скажи там, пусть кашеварят. Много нужно. И взвар варят. И пусть на плоту реку переплывут, нехай народ возвращается в дома. А Матильду и священников в замок.

Тимка – здоровый такой лось шестнадцатилетний, сын Петра, одного из послужильцев погибших боярина Зайца, кивнул, взгромоздился на жеребца, лишь немного уступающего Рыжику и, взяв того в повод, направил своего к Кеммерну.

Дальнейшее Иоганн так себе помнит. Выключили свет у него в голове. Вроде кружку с горячим питьём совали, вроде пил. Потом, кажется, Матильда с горьким питьём кружку у

его губ держала. Потом... Потом, как Семён его двумя оде-
ялами накрывал, помнил, как, свернувшись в комочек, дро-
жал. А потом больше ничего не помнил. Окончательно свет
вырубили. Полный блекаут.

Событие четырнадцатое

Так или иначе, а повстанцы с литвинами сбежали к себе
на юг. Семён считал, что это они напугали осаждающих Ригу
партизан.

– Мы когда к Риге подходили, то столкнулись с отрядом
небольшим. Повозки у них были с продуктами. Как ты их
называешь? Фуризилы?

– Фуражиры, – запомнил ведь.

– Ну, фуразилы, так фуразилы. Мы их почти всех переби-
ли. А те, что сбежали, я думаю, до своих добрались и ужасы
им поведали об огромном войске. Это отряд наш. А иначе
их свои прибудут за трусость. К нам сотню выслали. Но я же
понимал, что так будет. Мы у моста засаду в кустах устроили
и из луков с арбалетами их обстреляли. И эти сбежали. И
тоже видимо раз в сто нашу силу увеличили. Ну и сбежали
на следующий день жемайтійцы, а за ними и литвины убра-
лись от Риги. А мы плюнули на всё и назад поскакали. Ну и
Рыжика ржания я услышал. Вот так всё и было.

Иоганн сидел в гридницкой и попивал отвар, что ему Ма-
тильда заварила. Сама знахарка убралась уже из замка к себе

другую – река. Как у него получилось заблудиться?

Ну, вернулся и хорошо – два плотника – это в два раза больше, чем один. Вон, и гробы махом соорудили и пушку, и даже рукомойки сейчас уже стучат, изготавливают. Отцу преподобному Мартину надо. Отцу Иакову, он же батюшка, надо, колдунье Матильде надо. Старосте Георгу надо. Всем изобретение Игнациуса понравилось. Почему Игнациуса? А скромность. Нечего выпячивать свои странности. Тем более, главплотник деревянную часть сам придумал делать полукруглой, сам придумал, сам сделал. Значит, и патент на него пусть пишут. Некому писать? А молва припишет.

Рядом с парнем сидел на скамье, привалившись к стене, фон Бок. Сидел, отпыхивался и потом обливался. Слезами ещё и соплями, да и прочими мокротами. Он тоже простыл, и Иоганн решил на нём рецепт из детства испробовать. Нужно подышать над только что сваренной картошкой, укрывшись одеялом. Нету картошки, до плавания Колумба ещё чуть не девяносто лет, а её явно не в первый год завезли? Ну, когда отсутствие чего-либо новаторов останавливало. Сварили вместо картошки репу. Сунули в котелок башку расстриги и накрыли одеялом. Мартин, естественно сразу схлызнул, давай с себя одеяло сбрасывать. Наивный. Двое пацанов из новиков его за плечи схватили и сунули поглубже в котелок. Наверное, даже носом в стоградусную репу сунули, так как из-под одеяла кто-то завизжал. Ослабили чуть хватку, но не выпустили, извивающегося немчика. Так им тев-

тонцам и надо. Это им наш ответ за Ледовое побоище.

Отпустили парни учителя, когда он дёргаться перестал минут через пять. Дышать тоже перестал.

– Отпустите болезного, сомлел, – остановил новиков – санитаров Иоганн.

Сняли с фон Бока одеяло, пощёчин надавали и к стене приложили. Вот, если на него народная репная медицина подействует, то можно клинику экстренной медицины открывать.

– Мартин, – Иван Фёдорович всё забывал у расстриги спросить, а есть ли сейчас в Европе мастера, ну, или хрен его знает, как это называется, которые книги печатают. Нет, про своего тёзку Иоганна Гутенберга он знает, и тот его ровесник, наверное, явно ещё ничего не печатает. Но он литеры, насколько помнил Иван Фёдорович, изобрёл. А может сейчас кто просто текст на дощечке режет. Один раз вырезал и потом сотню книг напечатал. При цене книги, как хорошего боевого коня – это должно быть выгодно, – скажи, а в библиотеках в Европе есть напечатанные книги?

– Fick dich (Пошёл ты!), – как-то так переводится.

– Я серьёзно, кто-нибудь пробовал книги печатать?

Мартин фон Бок высморкался на пол и осоловевшими глазами посмотрел на ученика.

– Что значит печатать? Книги пишут.

– А если взять и попробовать напечатать? Вылить литеру, букву из свинца в зеркальном изображении. Набирать из них

слова, вставляя в строчки, а потом когда полная страница наберётся, то намазать краской чернильной и шлёпнуть по листу.

– Это невозможно.

– Ты debil, что ли. Как императоры всякие печать свою прикладывают к указу. Перстень. Вот пусть перстней будет пару сотен на лист и все они закреплены.

– Донерветер!

– А то!

Событие пятнадцатое

– Позырь! – вечером к нему Герда вломилась.

Девчонка достала мешочек небольшой и высыпала на отцов стол колченогий пять просто огромных дзинтарсов – электронов – янтарей. Каждый с кулак взрослого мужчины, при этом один почти полностью прозрачный.

– Ядрёна вошь!!! Это же писец полный! Ты понимаешь, дочь, скоко тут бабок?

– Вас? – а блин, темнота, лета не видела, в смысле, великого и могучего не знает.

– Молодец, ты Герда! Из-под водорослей добыли, когда их убрали?

– Так и есть. Мешок набрали. Там мельче, конечно. Что делать будем? Пацаны деньги с меня уже требуют.

А у самой глазки карие горят. Сама не меньше тем паца-

нов серебра алчет. А что делать? Ну, во-первых, сейчас в Риге точно не до янтаря. Там осада была. Там предместья по словам Семёна пожгли. Явно не время янтарём торговать. Но и, во-вторых, есть. Появление такого количества необработанного дзинтарса обрушит к чертям собачьим рынок, и четверти стоимости не получишь. Опять же и, в-третьих, есть, Иван Фёдорович книжки про попаданцев читал и в отличие от всех до единого правителей России точно знает, что торговать сырьём – это дебилизм. Нужно переработкой сырья заниматься. Бусы из янтаря стоят в десять раз дороже такого же по весу количества простых камешков. И янтарь – это не алмаз. Его гораздо проще обрабатывать. Это мягкий податливый камень. Нужен свой ювелир. В Риге? Ну, можно и в Риге, но лучше в замке, здесь, чтобы ни от каких цеховиков не зависеть.

Это бусы. А если янтарная комната???. Сколько она будет стоить? Всю Прибалтику сейчас купить можно. В янтарной комнате, после того как её воссоздали, Иван Фёдорович был. Вот тут Путин молодец. Такой шедевр стране вернул. Хрен с ней с настоящей, что дойчи похитили во время войны. Новая ничем не хуже. Скорее даже лучше. Технологии обработки другие.

А ещё вспомнил Иоганн поделки, что в девяностых были. Потом исчезли. Наелись люди. Но не сейчас. Сейчас это будет такая диковинная диковина, что ой-ё-ёй. Это картины с использованием янтарной крошки и маленьких камешков на

срезе дерева. Осенний лес, там или рожа льва. Художник нужен? Ну, в Италиях всяких есть уже. Да сам он художественную школу в детстве закончил. Возможно, он сейчас лучший художник в мире. Он льва в профиль и в анфас точно нарисует, как и берёзу с жёлтой листвой.

Что ещё из янтаря делают? Видел он шкатулку. Тоже, имея оборудование, изготовить из таких вот, огромных кусков, не составит проблемы. К тому же, можно не обязательно из цельного куска. Делают же витражи? Свинец не проблема.

Ну и совсем можно за сумасшедшие деньги продавать чашки из янтаря. Нужно только токарный станок ножной изобрести. У матери Ивана Фёдоровича была, когда он пацаном был, ножная швейная машинка. С педалью такой. Ничего сложного, он помнил принцип действия. Колесо можно и деревянным сначала сделать. А можно и в Риге заказать. Пусть отольют из бронзы. Льют же и колокола, и казаны. У них вон, в замке, четыре котла разных размеров, всяко разное, отлить котёл сложнее, чем не такое уж и большое колесо. Педаль? Ну, деревянную можно, а можно и литую заказать вместе с обоими колёсами. А коленвал и привод сделает их кузнец, это далеко не бином Ньютона.

– Чего молчишь? – развеяла бриллиантовой дым над головой Иоганна Герда.

– Я из старых денег тебе и пацанам выдам. Есть марки. Как в Ригу поедем разменяю. Не прямо сейчас. Ну, я ещё поузнаю у отца преподобного и Матильды может у них мел-

кие монетки есть. И у нашего батюшки спрошу. Пообещай пацанам, что обязательно расплачусь, пусть не переживают.

– Понятно. Дальше собирать? Там и буря была, полно камней на берег вытащила и где водоросли были ещё мест полно.

– Собирать. И как дождей не будет, водоросли тоже нужно жечь. Мы же несколько бочек масла купили, а мыло из разных сортов масла так и не попробовали варить, со всеми этими... войнушками.

Герда ушла довольная. Опять будет пацанами рулить. Иоганн подозревал, что девчонке те серебрушки и не нужны вовсе, ей они нужны только, как способ организовывать ребят деревенских. Ей командовать нужно, а не деньги.

Ну, у каждого свои тараканы в голове.

В этот же день и ещё один способ обогатиться обнаружился. Парень уже и забыл, что давал плотнику задание изготовить деревянный стетоскоп, когда увидел, как ведьма Матильда прижимает ухо к груди больного, чтобы прослушать, как он там дышит через раз. Нарисовал тогда и отдал Игнациусу – главплотнику. Отдал и забыл. Столько всякого такого за это время произошло, что точно не до стетоскопа было. А только Герда, гордо вздёрнув нос, покинула батянькин кабинет, как туда вторгся плотник и брякнул на стол перед ним трубку не трубку рожок не рожок, стетоскоп не... Да нет, именно деревянный красивый покрытый лаком стетоскоп и брякнул.

– Карлос сделал. Рисунок увидел и сделал. Хороший пар-

нишка.

– Предатель он и ренегат и вообще гад. Бросил нас в такую минуту.

– Винится он, – перекрестился Игнациус, – не все воины. А он – мастер.

– Ладно, чего уж, простил я его уже. Повернись ко мне спиной и рубаху задери, – велел плотнику Иоганн, нужно же проверить, как очередная вундервафля работает.

И ведь отлично работала, слышно было, как хрипло дышит плотник.

– Так, Игнациус, ты болен. Бери руки в ноги и вот эту штуку и срочно дуй к Матильде, не нравится мне как ты дышишь. Хрипы у тебя. Сдохнуть можешь.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Что сделали с пирамидами жители Каира? Они разобрали блоки внешней облицовки из красивого известняка и построили в Каире мечетей, дворцов и просто хибар множество. На многомиллионный город хватило. Разобрали к чертям собачьим всё до последнего камешка, ладно, до предпоследнего, оставили чуть, чтобы было, чего изучать археологом, и о чём спорить всяким египтологам. А ЗАЧЕМ НА ОБЛИЦОВКЕ БОССЫ? Что с них взять с дикарей? Камень в каменоломнях добывать долго и трудно, а тут хрень непонятная из камня торчит. Это потом придумали, что пирамиды строили, чтобы фараонов хоронить, на самом деле – это древние склады для будущей строителей мечетей. Это Аллах позаботился о своей пастве и приказал фараонам склады построить.

Ну, бог с ними с египтянами египетскими. Пока два с половиной дня Иоганн болел и лежал под двумя одеялами и потом полтора дня собирался на тот берег, чтобы и самому янтарь поискать, и запасы водорослей, что растащили на шалаши, и тем самым высушили почти, оценить, неразумные

египтяне из Русского села разобрали мост.

С одной стороны, народ его понять можно. Возвращаются это они к родным Пенатам, а там какой-то обормот дверь с дома снял и вместо неё кусок старой дырявой во всех местах и расползающейся попоны вонючей пристроил. А на дворе осень далеко не ранняя с её подарками. То дождь промозглый осенний и холодный подарит, то ветер сырой и не менее холодный, то заморозок настоящий ночью, под утро. Нужна дверь. Пошли мужики и разобрали настил моста. Повесили покоцанные копытами и колёсами телег двери на место. Ну и ладно бы. Так нет. Сдавал пять рублей на водку, на пять рублей и напьюсь. Они же сосны рубили, топоры тупили, силы тратили. Выходит – это их брёвна теперь мокнут без дела. Пошли русские и прусские египтяне и мост тоже разобрали. Тын там подновить, а то и распустить брёвна на доски, и взамен покоцанной двери новую жёлтенькую сбить.

Пилы продольные, далеко не у всех, но есть в хозяйстве. А нет, так у Фомы есть, и у него можно одолжить за корзину репы.

Пришёл Иоганн с Гердой и пацанами к мосту, который ещё позавчера точно был, а там только следы телег, а от моста только горки травы, которой его маскировали, да горки коры. Хорошо хоть сколоченные наспех Игнациусом два плота не тронули египтологи чёртовы. Не, люди сейчас честные и богобоязненные чужого не тронут, а вот своё не отдадут.

Пришлось опять мочить ноги, и на плоту, стремящемся потопить речкоплователей, перебираться на тот берег. Ругаясь и про себя, и вслух, Иоганн понимал, что народу мост на тот берег реки не нужен. Что делать на заваленном водорослями пляже? И это ведь не в Сочи, это в Юрмале, тут нормальный человек не будет купаться – холодно. Есть несколько дней, когда, сжав задницу в кулак, можно пару раз окунуться, но где крестьяне, и где отдых на пляже. Янтарь собирать нельзя. За это повесят немцы проклятые. Да и кому его продашь?! До Риги доехать надо, а там что, встать на базаре (рынке) и кричать: «Кому дзинтарс, свежий дзинтарс, вчера ещё плавал»! Тут тебя и схватят, а потом, после продолжительных пыток, повесят. За шею, до смерти. Нет. Спасибо. Опять же, Зорька не доена. Конюшня не чищена. Сено не кошено. Не до пыток и висения до смерти, работать надоть. Семью кормить.

Пляж преобразился. Пакеты пластиковые, посуда одноразовая, полотенца бумажные, шлёпанцы – сланцы порванные... нету этого ничего. Следы костров – это да, и горы навоза. Не просто горки, а горыыыыыы!!! Словно целью задались – навозом желто-белый песчаный пляж завалить. Так не доставайся же ты никому. Коровьи лепёшки, конские яблоки, козьи орешки, людские и собачьи колбаски. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут», Лермонтов точно пляж описал, словно был тут.

Но это так – брюзжание. На самом деле, пляж народ очень

прилично почистил. Часть водорослей эти самые козы превратили в орешки, часть пошла на топлива, часть на крыши и стены шалашей. Там и сейчас. Пусть висят сохнут... под дождём. Ну, дождь кончится и на ветру просохнут быстро.

– Золу собрать нужно. Наверное, прямо тут и растворять. Воду из реки брать. Так быстрее и унести проще и больше можно.

Иоганн оглядел разгром. Не, точно пространства больше открытого стало.

– Может тут и варить? Принести сюда котлы. Мы залезем на деревья и веток для костров наломаем, – Герда оглядела свою босоногую команду. Правда, босоногую, несмотря на начало октября.

– Хорошо, я вам завтра два котла, что Георг специально для нас купил в Риге, выдам. Но это завтра, а сейчас пошли янтарь собирать. Он сам себя не соберёт.

Иван Фёдорович выбрал ветку, навоз отшвыривать с дороги, и первым пошёл к самому берегу. Собирали весь день. Взяли с собой пирогов с капустой и рыбой, что Лукерья по спецзаказу выдала утром, пообедали ими и опять собирать до самого вечера, только в глубоких сумерках, когда уже вообще ничего не стало видно, перебрались шестью партиями на свой берег. Пятьдесят три пацана за день набрали больше двух вёдер янтаря. Удачи было три. Два таких же, как Герда ему вчера принесла куска с мужской кулак и один совсем большой. С голову ребенка. Он естественно не прозрачный

и цвет так себе, прожилки коричневого в тёмно-коричневом и тёмно-рыжем. Но вот его, если он без трещин внутри, уже точно можно пустить на изготовление эксклюзивной чашки. Ещё бы такой, чтобы блюдце сделать, и можно, если пару изготовить, за совсем уж большие деньги продать.

Событие семнадцатое

Суппорт, передняя бабка, задняя бабка, гитара, станина, подручник, патрон. Резцедержатель ещё. Столько слов матерщинных. Половину из них Иван Фёдорович только слышал, а ни как эта хрень устроена, ни как её крепить к этой самой станине, он не знал. Более того, патрон сейчас просто невозможно изготовить, там везде резьба. Даже ювелиры не смогут сделать. А ещё в станке сотни шестерёнок. Ну, в настоящем, насколько Иван Фёдорович помнил гитара это и есть коллекция шестерёнок в станке. Их даже пытаться сделать в деревне – глупость. Тем не менее, поручив пацанам на следующий день варить мыло из разных масел, Иоганн заперся в кабинете отца, достал лист бумаги и свинцовый карандаш и стал набрасывать схематично токарный станок с ножным приводом, как у швейной машинки. Да, что нам стоит дом построить, нарисуем будем жить. Проще всего как раз привод сделать. С резцедержателем тоже оказалось не всё так тяжело. Хрен с ним с супортом. Две планки из толстого железа и кончик хорошего кинжала, а распирать клинышка-

ми. Стоп есть же кузнечная сварка. Пусть Угнисос четыре планки сварит так, чтобы остался квадрат в сечении внутри... нууглубление, отверстие. И у резца такой же хвостовик, на несколько миллиметров меньше и железными пластинками распирать. Похуже резьбы, конечно, но зато не будет резец как в руках телепаться. Подача? Да чёрт с ней с подачей, пусть обработка будет поэтапная, сначала ступенек нарезать, а потом их сглаживать. Как-то же князь Болконский точил эти свои балясины?

Иван Фёдорович откинулся на спинку большой скамьи и прикрыл глаза пытаясь вспомнить фильм «Война и мир». Там был этот станок и старик на нём точил чего-то из дерева. А ведь суппорта вообще не было в фильме на станке. Старый князь держал резец или стамеску, вернее, в руках и только, кажется, опирал его или её на подручник... Нет так идеально ровную чашку из янтаря не сделать. Дерево материал мягкий, а янтарь это всё же камень. Значит, нужен суппорт хоть какой-то. Резец нужно крепить. Без резьбы обойдётся. Придумал же будет клинышками распирать.

Иоганн даже заснул над листком. И проснулся, когда его на ужин позвали. Не произошло чуда. Не приснилась ему таблица Менделеева. И как сделать переднюю бабку с патроном тоже не приснилось. Пришлось ограничиться эскизом колёс к приводу педальному, штоку и самой педалью. Ну и станина из дерева массивная, чтобы эта конструкция не шевелилась. Как закреплять кусок камня в переднюю бабку то-

же непонятно? С деревяшкой проще. Насадил её на три гвоздя молотком и задней бабкой точно так же прижал. То есть, балясины из дерева точи не хочу, а вот с камнем без резьбы опять полная хрень. Делать что-то типа матрицы из дерева и сажать на рыбий клей кусок янтаря. Да, так можно сделать обработку внутренней поверхности – выемку в чашке. А как потом обрабатывать наружную? Опять матрица – точная копия поверхности, выточенная из дерева, на которую чашка насаживается. И клей опять? А потом, после токарной обработки, шлифовкой убирать клей? Сложно всё. А как это Данила-мастер делал без всяких станков токарных? Он же делал круглую чашу, Иван Фёдорович видел много всяких в Эрмитаже, там на первый взгляд круг в сечении и идеальная обработка поверхности. И малахит твёрже янтаря раза в два? Всё ручками? И чем шлифовал? Наждачной бумаги нет ещё?

Иоганн решил пока не ломать голову. Нужно искать в Риге камнереза. Попробовать переманить к себе или хоть проконсультироваться.

А ведь приснилось. Нет не передняя и задняя бабки, приснился привод. Швейная машинка ножная – это хорошо. Да даже замечательно. Но её придумали, пока не было велосипеда. А кто мешает посадить человека на сиденье, и заставить его крутить педали. А вместо звёздочки шкив с углублением из дерева и ремень на шкив станка. Тогда ты вообще не заморачиваешься, помощник крутит педали, а ты то-

чишь спокойно себе. Нужно скорость увеличить, сказал за спину себе: Ванька или Федька, добавь газку. Нужно медленнее, когда толщина уже минимальная, пробурчал: Ганс, мать твою, не на Олимпиаде, не гони. Ты не Амстронг. Ты токарь! А токарь по сравнению с плотником...

Нужны подшипники? Да херня, бабитом, читай, свинцом можно залить. Свинец по железу будет работать, как отличный подшипник. В крайнем случае ездят телеги просто на дёгте. И если то колесо до Москвы на дёгте доедет, то на свинцовом подшипнике и подавно. Нет, всё, пусть будет свинец. Прогрессор он или нет?!

Кузнец Гена – Угнисос, вот ведь чудеса, за эту неделю или две даже, сумасшедшие ни на йоту не продвинулся ни в изучении русского – великого и могучего, ни в освоении немецкого. Как говорил на своём тарабарском – жемайтском или жемайтйском (ещё бы узнать, как правильно этот язык называется, пусть будет на жмудском, так на нём и продолжает говорить. Иоганн ему эскизы колёс с размерами для привода как у швейной машинки и потом для лисапеда показал и спросил: «С канавкой для ремня сможешь»? На чистейшем жмудском спросил:

– Канавкас тутас вот. Ременьс крутитс надос. Ферштенс.

А в ответ тишина, он вчера не вернулся... Потом обругал его, наверное, на жмудском. Нет, менять надо население. Пришлось идти к святому отцу, платить ему за урок и вести к кузнецу. И ведь зря. Иоганн и сам понимал, что кузнечным

способом не сделать канавку. Договорились до комбинированного способа. Угнисос делает колёса, а к ним потом прибавляется обод из дерева с канавкой.

Про подшипник со свинцовыми вкладышами пришлось раз двадцать рассказать. Всё не мог кузнец понять, чем пацану дёготь не угодил.

– Партия сказала надо! Комсомол ответил... Ты – комсомол. Я говорю нужно так, а ты делаешь. Ферштейнс. Угнисос – комсомолс.

Но, в целом поход не бесполезный. Кузнец пообещал за неделю все три колеса изготовить и педаль со штоком. Сделает и можно будет Карлоса озадачить. Пусть свою вину за трусость ударным трудом искупает.

Событие восемнадцатое

Карлос, сволочь трусливая, опять струсил. Лень, говорят, двигатель прогресса. Наверное, но в данном случае трусость получилась движителем.

Иоганн решил попробовать картины из янтарной крошки сделать. Для начала, вдруг не получится, моторика там мелкая у рук не та, да и давненько он не рисовал, а школу художественную так, вообще, закончил чуть не пятьдесят лет назад. В восьмом классе, то есть... Два пишем три на ум пошло, в тысяча девятьсот семьдесят восьмом. Ужас, как время летит. Заказал главплотнику Игнациусу подрамник и

сам лично натянул на него кусок парусины. Отрезал от куска, найденного у отца в оружейной. Интересно, зачем там батянька его держал?

Натянул и куском уголька нарисовал морду льва анфас. Зря боялся. Нормальный лев получился. Иоганн его Отто показал и попросил горшок рыбьего клея ему выдать. Управляющий перекрестился на льва, как на божью мать Одигитрию (греч. Οδηγήτρια – «Указующая Путь») и клей дорожный выделили. Поверил в задумку.

Иоганн посадил пацана посмышлёнее дробить молотком янтарь мелкий и потом рассортировывать его по оттенкам, а сам пошёл к Карлосу. Картина – это только половина картины. Если рамка будет фуфлыжная, то половина стоимости получится. Встречают, как известно, по одежке.

– Карлос, нужно рамку для картины вот такого размера, – парень ему портрет льва показал.

Сын столяра тоже, естественно, креститься начал.

– А ты резьбу по дереву проходил? А... Отец учил тебя всякие завитушки резать на дереве?

Оказалось, что немного учил. Инструмент нужен.

– Нарисуй.

У Ивана Фёдоровича в прошлом – будущем чемоданчик с кучей хитрых стамесок был. Как-то увидел в интернете рекламу и купил в один клик, не удержался, хотел красивую столешницу сделать. Не дошёл ход, но парочкой всё же воспользовался, и некоторые запомнил. Карлос рисовал отдель-

но, он отдельно. Потом все каракули Карлоса и пояснения превратил тоже в эскизы и опять пошёл к Угнисосу. Тот покряхтел, взял шиллинг и головой мотнул. Без переводчика обошлись. Оказывается, если сначала шиллинг, а потом заказ, то жемайтский от русского не отличишь.

– Двас шилингс, – понятно же всё.

Так вот, про труссссссоссть и про прогресс. Пришёл парень довольный в замок и решил двинуть вперёд работу, а то чёрт его этого предателя знает, уж как-то не очень уверенно он про резьбу по дереву головой кивал. Иоганн выпросил у Отто очередной листок и изобразил кусок рамы с рисунком, который вырезать надо. Показал его Карлосу. Вот тут он и струсил. Вообще Карлос сносно по-немецки говорит, а тут заблеял. Из этого бляения Иоганн уяснил, что повторяемость узора точную может трусливый предатель и не потянуть.

Трафарет? Барончик тоже перекрестился на льва. Простая на первый взгляд задумка на глазах сложностями обростала. Пришлось рисовать орнамент и вырезать в нём места, где будут углубления. И тут Иоганн понял, что он дебил. Поздравляю тебя Шарик, ты дебил. Чего это он сам всё делает. Опять же рамок много надо. Бросив недоделанный трафарет, Иоганн пошёл к Отто Хотльте.

– Нужен парнишка лет четырнадцати со склонностью к рисованию, вырезанию, лепке там и прочим художествам? Есть такие в наших Палестинах?

– Склоною? Кланяться при лепке? Чудишь ты Иоганн, а с

Палестины у нас вообще никого нет. Был Ионас, что говорил, будто отец его совершил паломничество ко гробу Господню, так ему не верил никто. Потоп он давно. На озере. Рыбачил. И потоп, – как всегда крестное знамение.

Пришлось повторить. Царствие Ионасу небесное.

– Парнишка нужен в ученики к Карлосу, рамы для картин со львом резать. Рисовать чтобы хоть немного умел и любил это делать. Есть такие ребята у нас в Кеммерне или Русском селе?

– Есть! – обрадовался управляющий, что в Палестину ехать не надо, – Фимка есть, у Семёна младший сынок. И у святого отца Иоганн средний сынок. М... То ли Ганс, то ли Грегор, не помню точно. Они вечно рисуют ветками в пыли. Сам видел. Ганс этот, Грегор который, как-то при мне сви- нью нарисовал на земле, ну, вылитая свинья. Свинская та-кая.

Иоганн обоих пацанов нашёл и проверил их возможности. Для самоучек так просто космос. Уникумы. А Горст, ну ко- торый Ганс или Грегор, рожи животных рисовал лучше са-мого Иоганна. Так и Микеланджело не сможет. При этом он не копировал обычные звериные морды, он их в мультяшные и смешные превращал, шаржи рисовал.

Забрал обоих пацанов в организованную при замке багет-ную мастерскую барончик. И даже, чтобы отец Мартин не брюзжал, что кто, блин, воду будет с речки таскать, назначил обоим пацаном зарплату в шиллинг в месяц. Всё! Все возра-

жения сразу кончились. За шиллинг можно двух водоносов нанять.

А ведь сам бы не додумался до этого. Карлос своей трусостью подвиг на такое действие.

Глава 7

Событие девятнадцатое

Ганс Шольц никуда не исчез. Он по-прежнему со своими арбалетчиками охранял замок. А в добавку к этим обязанностям решил причинить Иоганну побольше пользы. Раз не стало Юргена, читай, учителя боя на мечах, то теперь и утреннее и дневное и вечернее занятие взял на себя Старый заяц. Утром и вечером рубились на деревянных мечах, а днем ветеран учил пацана стрелять из арбалета. Силёнок заряжать его у пацана не хватало, и Шольц, ругаясь на недоносков, делал это сам, поминая старость и больную спину.

И тут как прояснело!

Вспомнил Иван Фёдорович фильм древний «Не отступать и не сдаваться». Нет, каратистом он не был и даже не собирался становиться. Просто там было несколько эпизодов, как парень тренируется. Манжеты со свинцовыми вставками на руки и ноги надевает, бегаёт. Ну и прочие преодоления. А ещё где-то прочитанная методика, как учили стрелять из пистолета спортсменов. Утюг они на вытянутой руке держали. Утюг ведь можно и гантелей самодельной заменить. А гантели поручить Угнисосу сделать. Гриф можно из дере-

ва, а вот блины железные. Замки? Да, чёрт с ними, можно обычными гвоздями какие-нибудь кожанки прибить. Опять к кузнецу жмудоговорящему, блин, за блинами? О, тавтология прикольная. Так он никогда токарный станок не сделает. Пришлось с гантелями пока повременить. Просто взял Иоганн камень кособокий и, несколько раз верёвкой обмотав, завязать её. А чего, и держать можно, руку на весу тренируя, а если такую хреновину, как кистень использовать, то удар килограммовым примерно камнем урон противнику нанесёт приличный. Разобравшись с приспособлением, чтобы тренировать одну мышцу, для держания арбалета на весу, следом написал себе Иоганн табличку, сколько-то раз отжиматься по пять раз в день, столько-то подтягиваться. А чтобы скучно не было велел Семёну подумать, а не организовать ли тренировку такую у всех новичков. Утром пробежка, потом на мечах, потом на арбалетах, а в конце на физику, подтягивать и отжиматься.

Десятник покачал головой.

– Нужно ли бегать? На конях вои ратятся.

– А мы вон по лесу на своих двоих убежали.

– Что ж, пусть. Хуже не будет. Я с Гансом на мечах попробовал. Знатный мечник, не хуже меня. Я как совсем поправлюсь, тоже учить ребят буду. А Перун на копьях боец лучший из тех, кого я знаю. С завтраго и начнём новичков учить как след. Урожай убран. Чего не начать, – Семён за грудь схватился и кашлянул. Лечиться ещё и лечиться.

Иоганн вдруг заметил, что чёрная почти борода Семёна теперь практически белой стала.

День опять стал у парня перенасыщенным. Фон Бок с него не слазит со своим греческим и латынью, Старый заяц мучает, а ещё нужно рисовать учить пацанов и самому вспоминать эту науку. Сын святого отца Мартина Горст нарисовал через пару дней, используя несколько набросков Иоганна, неплохую рожицу льва, рычащего и улыбающегося хитро, одновременно, полумультияшную. И её решили использовать для первого в истории человечества рисунка с использованием янтарной крошки. Раскрашивать нечем и Иоганн просто обозначил цвета. Здесь жёлтый, тут чёрный, там светло-коричневый, а тут тёмно-коричневый. Всего получилось пять цветов. Тринадцатилетний Колька уже надробил желтого и светло-коричневого янтаря достаточно и, смазав парусину клеем, её присыпали полученной крошкой. Как это будут делать художники в будущем, Иоганн не знал, пока просто побольше клея налили и насыпали крошки, сначала покрупнее, а после мелкой. Ну и оставили сохнуть, а пока подобрали янтарь других цветов. На следующий день ещё два цвета добавили, и на третий, последний, использовали крошку красно-коричневого янтаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.